

Василий Московский

Адам

Василий Московский

Адам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51678727

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир будущего. Мир после глобальной войны. Никто не знает, кто и почему её начал, но это была, поистине, Последняя Война, Великая Скорбь, унесшая жизни миллиардов людей. За десятилетия после войны, мир изменился до неузнаваемости. Изменились очертания материков, климат, флора и фауна. Радиация и вирусы, разрушительное оружие вызвали к жизни чудовищные формы жизни, превратив мир в подобие ада, где опасность и хищные твари подстерегают на каждом шагу. Не говоря уже о радиации, вирусах и ядах, которые могут убить. В этом мире живёт одинокая девушка, ищущая людей. Вместе со своим компаньоном – большим зверем, огромным и очень умным енотом, которого она когда-то спасла, – она странствует по разрушенному городу, в который она забрела в поисках человека по запискам и картам, оставленным её отчимом. И к тому, что она нашла там, она была совершенно не готова...

Содержание

1	4
2	15
3	22
4	35
5	66
6	71
7	80
8	89
9	96
10	104
11	112
12	129

Василий Московский

Адам

1

Ворона ловко перемахнула через бетонную плиту, скалящуюся ржавыми рёбрами каркаса, и мягко опустилась на ноги. Амуниция даже не звякнула – у Сан Петровича с этим было строго. Не зря он её гонял, заставляя многократно перевязывать ремешки креплений, чтобы и бегать было удобно, и нигде ничего не гроыхало. Поначалу это очень выматывало. А потом ничего – привыкла. И теперь каждый раз мысленно благодарила отчима за науку, незаметно проскальзывая мимо преграждающих путь чудовищ или их логовищ.

Девушка отёрла стёкла противогоза от налипшей на них пыли. Дозиметр знакомо потрескивал. Радиации здесь было меньше, чем в центре. Там фонило так, что, казалось, вот-вот мозг выкипит. И даже чудовища там не селились. Да там и не было ничего, кроме застывших чёрным зеркалом расплавленной земли и металла. Ведь, именно туда был нанесён самый тяжёлый удар...

Отчим говорил, что люди, которые жили там, погибли мгновенно – рассеялись пеплом, да даже и пепла от них не осталось. Наверное, даже испугаться не успели. Счастливи-

ки! По сравнению с теми, кто выжил после, им несказанно повезло...

Подумать только! Столько лет прошло, а всякой заразы меньше не стало! Сан Петрович говорил, впрочем, что Земля ещё не скоро оправится от такого удара. Если, вообще, оправится.

Ворона, мягко, пружинисто ступая, пошла вперёд по расколотому камню и крошке, бесшумно и быстро, как ветер, скользящий над пустошами. Она оказалась в чём-то вроде развороченного туннеля. По сторонам высились расколотые ударной волной и яростными штормами стены, над которыми нависали разорванные полотна автострад, разрушенные мосты с вывороченными стальными перекрытиями. Ледяной ветер завывал среди руин. По небу плыли жирные клубы чёрных туч, подождённые по краям лучами яростного солнца. Мертвенный холод ощущался даже под слоями защитного костюма и лёгкой брони. Сколько Ворона ни бродила по разрушенному городу, всё равно не могла привыкнуть к его промозглой тишине, нарушаемой лишь замогильным воем ветра в руинах, скрежетом разорванного металла да шорохом песка, гонимого ледяными порывами.

Место было незнакомым. Но она всецело доверяла чутью Ракеты. Ракета – огромный мохнатый енот, чуть меньше котопарда, когда стоял на всех четырёх лапках, а если поднимался на задние, присматриваясь, принюхиваясь, то мог сойти и за маленького человечка, достававшего ей почти до са-

мого плеча.

Когда-то давно Ворона спасла зверька. Тогда енот вступил в схватку с двумя – двумя! – вампирами. Одному он выцарапал глаза и разодрал глотку, а второму разорвал перепончатое крыло и сильно расцарапал морду. Один! Обычно даже крупные лютоволки и котопарды прячутся, едва слышат в поднебесье характерный хлопающий звук и резкий клёкот, который издают крылатые чудовища, когда кружат над выжженным городом. Но енот оказался либо очень тупым, либо очень агрессивным и отчаянным. Может быть именно эта бешеная отчаянность зверька заставила Ворону вмешаться, и разрядить в башку страшного крылатого хищника последние разрывные пули. А, может быть, каким-то странным извращённым чувством она ощутила некое родство с ним. Так же как и она, похоже, он был одинок в этом искорёженном Апокалипсисом мире. И он так был похож на маленького толстенького человечка, яростно и отчаянно отбивающегося от нависающего над ним монстра, касаясь лапками-ручками камней, ища опоры. Так же как человек он цеплялся за жизнь, отчаянно, яростно, бешено, надеясь, если не победить, то хотя бы сражаться до последнего.

Человек. Когда в последний раз Ворона видела людей? И как жаждала их найти! Сан Петрович оставил ей свои записки и карты, испещрённые его пометками. Он тоже давно искал людей, веря в то, что ещё есть уцелевшие. Верила и Ворона.

Ракета бесшумно и быстро, точно серая тень в полумраке, скользил по растрескавшейся земле, похожей на обветренную кожу поверженного гиганта, тронутой порослями бурого мха и чахлой травы. Он то и дело останавливался, оборачиваясь, сверкая глазами – не отстала ли Ворона. И убедившись, что его “детёныш” следует за ним, продолжал путь.

Коридор замкнулся над головой аркой тоннеля, незатронутого взрывами. Ракета остановился, скользнул в сторону, за бетонную плиту. Ворона опустилась на колени рядом.

Енот приподнялся на задние лапки, опершись передними о железные прутья. Принюхался. Бросил умный многозначительный взгляд на Ворону, обошёл её и затрусил к тоннелю. Можно идти.

Ворона, на всякий случай, надвинула на глаза прибор ночного видения, и осторожно двинулась следом.

Тоннель был длинным. Корни, свисающие из дыр в пробитом куполе, колыхались, готовые присосаться к живой плоти. Аккуратно огибая их, девушка вышла к огромной, похожей на амфитеатр, воронке. На дне, устланном битым камнем и кирпичом, ржавела старая техника, заваленная обломками и мусором.

“Стёкла не бьют, потому что их нет!

Сказка о том, где был солнечный свет!”

Ворона, вдруг, ощутила смутную тревогу и беспокойство. Да и Ракета положил ей на ногу лапку, мол, не лезь! Дай приглядеться!

Енот приподнялся на ноги, повертел скуластой головой. Острые ушки двигались, точно локаторы. Дёрнул зубами за рукав защитного костюма, мол, присядь – не отвечивай. Подожди.

Ворона послушно опустилась на колено. Енот так же встал на все четыре лапы. Зверёк остороженько юркнул в сторону по поросшей кустарником осыпи. Ворона, по-кошачьи, на полусогнутых, последовала за ним, стараясь не оскользнуться на краю, и не привлечь ненужное внимание шорохом катящихся камней. Снова остановка. Енот внимательно осматривался, а Ворона прильнула к оптическому прицелу автомата, обведя взглядом окрестность.

Ничего особенного.

Она, оторвалась от прицела, и тут же услышала странный шорох – слабый, будто ветер вздохнул среди развалин, – но она его услышала! Енот напрягся, готовясь защищать своего “детёныша”, если надо.

Ворона резко обернулась в сторону звука, вновь прильнув к прицелу. Палец замер у спускового крючка.

И то, что она увидела, действовало как хороший удар прикладом по морде.

Там, впереди, у фрагмента стены с обнажёнными рёбрами каркаса, Ворона увидела человека. Человека!

Изящная фигура отделилась от разрушенной стены, почти в три прыжка добралась до осыпи на противоположной стороне, и подобно котопарду взобралась на неё... Идиот, что

ли? Встал на самом открытом месте! Что-что? Не обманывают ли глаза?! Да на этом конченном даже защитного костюма нет! Да чего там, костюма! Он же голый по пояс! В одних армейских штанах! Ворона физически почувствовала кожей обжигающий холод, который, по идее, должен был чувствовать этот долбоящер – Ворона не сомневалась, что это парень. И, признаться, даже невольно залюбовалась им. Тотский, да ладный, со впечатляющей длинной гривой светлых волос, развевающейся на ветру. В этот момент, сквозь клубы мрачных туч, проглянуло солнце, излив на истерзанную, выжженную землю свои лучи. Парень вскинул руки, будто приветствовал солнечный свет, будто хотел обнять солнце и небо. Ворону аж передёрнуло. После Апокалипсиса находиться под прямыми солнечными лучами было опасно – серьёзные ожоги, слепота и рак кожи были гарантированы. А этот блаженный стоял и принимал солнечные ванны, как ни в чём не бывало. И не горел??? Что за хрень она сейчас видит??? И видит ли??? Или она просто уже сошла с ума???

Выл ветер. Убийственный, бледно-белый солнечный свет заливал руины мёртвого города, отражаясь от серого раскучероченного бетона, подсвечивая ржавые остовы машин и выломанные металлические рёбра зданий. Девушка и её зверь сидели, пребывая в глубоком шоке от увиденного, продолжая зачарованно смотреть на странного обитателя мёртвого города, вывернувшего душу Вороны наизнанку.

Девушка бросила взгляд на енота.

“Я пойду”, – пробормотала она.

Енот смотрел на неё бусинками умных глаз. Прямо как Сан Петрович, право слово! И осуждал за глупость, и понимал порыв, и понимал, что не удержит. Но был готов прикрыть.

“Иди”, – как будто бы сказал зверёк. – “Что с тобой делать, дурёха?! Если что, я прикрою”.

Не сводя взгляда с замершего на гребне насыпи парня, Ворона соскользнула в кратер воронки. Молнией скользнула за остов перевернутой легковушки. Затем – короткой перебежкой за вывороченную бетонную глыбу, на которую навалился фонарь. Следом – к вытянутой махине с выбитыми стёклами.

До парня оставалось метров десять.

– Эй! – крикнула Ворона, не спуская странного парня с прицела. – Стой! Стрелять бу... да твою ж мать!

Парень бросил на неё быстрый взгляд и... исчез! Вот, просто, взял, скользнул куда-то в сторону и растаял под порывами ледяного радиоактивного ветра.

Ворона почувствовала себя ребёнком, которого поманили лакомством, а потом взяли, и треснули по лицу. Обидно было до боли. До соплей. До замершего в груди разочарованного крика!

К горлу подкатил ком – так вдруг? Так тупо обмануться? Видимо, действительно, годы без людей свели её с ума...

Но порефлексовать не получилось.

С замершим сердцем Ворона услышала характерный, за-

унывный и, что самое паршивое, приближающийся вой.

Она только успела обернуться, как на крышу ржавого автомобиля, с треском и скрежетом, вскочила туша, поросшая густым серым мехом. Чёрные когти на длинных подвижных, как у человека, пальцах, царапали ржавый металл. Прямо в глаза Вороны смотрели горящие жаждой крови жёлтые волчьих глаза. А в лицо скалилась вытянутая морда с огромными клыками, способными прокусить даже каску и разорвать броник, как ветошь.

– Бобик, место! – процедила Ворона сквозь зубы, чисто для того, чтобы подбодрить себя тупой шуткой. – Сидеть!

Лютоволк утробно зарычал.

Ручищей достанет запросто. Но это ему и не надо – она попалась! Зверюге достаточно прыгнуть, а там уже всё...

Яростное шипение. Лютоволка, едва прыгнувшего, сбила на землю серая тень. Ракета!

Лютоволк барахтался в пыли, силясь сбросить с себя вцепившегося в него енота. Но зверёк своё дело знал. Он уверчивался от мощных лап и челюстей. Царапал, кусал. Рвался к глотке. И, в конце-концов, разорвал чудовищу ярёмную вену.

Булькая и захлёбываясь кровью, чудовище попробовало встать, но тут же рухнуло, дёргаясь, истекая тёмной маслянистой жижей.

Перепахканный кровью Ракета встал рядом с Вороной, изгибаясь, желая казаться больше. Зверёк глухо рычал. Мол, а

ну отвалите от моего ребёнка! Отвалите, или я вас всех порву!

Было бы даже забавно, если бы не было так страшно. Крутясь из стороны в сторону, Ворона с ужасом наблюдала через прицел как со всех сторон к ним подбираются монстры. Огромные глыбы мускулов, покрытые густым мехом и вооружённые серпами-когтями и кинжалами-клыками в мощных челюстях. Тускло поблескивали золотистые глаза. Стая не торопилась. Они знали – добыча никуда не денется. Но откуда они здесь?! И почему не тронули того странного парня?! Да, Ворона продолжала отчаянно верить, с упрямством безумия, что парень был настолько же реален и жив, насколько и она сама... пока ещё жива...

Самого резкого монстра она успокоила двумя одиночными выстрелами прямо промеж глаз. Затем, дала очередь, отгоняя других.

Ещё один неожиданно рванул в их сторону. Ворона успела дать ещё очередь. Сука! Только ранила! Зверь сейчас взбесится ещё больше!

Шорох. Она резко обернулась. Вовремя, чтобы криком и очередью встретить бросившееся на неё чудовище.

Они напали разом.

Ворона и Ракета успели выскользнуть из кольца, разорвать дистанцию. Ворона прижалась к остову огромной машины, паля во все стороны.

Патроны в рожке закончились.

Сука!

Нужно время, чтобы перезарядить! Да где ж его взять?!

Выхватив рожок из кармана бронежилета, Ворона перека-
тилась в сторону. Чуть не в лапы так вовремя подоспевшему
монстру. Но его “взял на себя” Ракета, и теперь, звери ката-
лись в бетонной пыли.

Сейчас, дружище, помогу!

Грёбанный рожок не вставлялся – руки тряслись как у соп-
ливки. Щелчок! Есть! Встал!

Но было уже поздно.

Монстр подскочил к ней и двинул лапой, наотмашь. Во-
рона инстинктивно прикрылась автоматом. Удар выбил ору-
жие из рук, чуть не оторвав эти самые руки.

Борясь с шоком, Ворона отскочила – на уровне рефлекса.

Вырвала из кобуры пистолет. Два выстрела точно в пасть
монстру. Взвизгнув, тварь рухнула в пыль.

Удар. Её подбросило в воздух. Она тяжело грохнулась на
камни. Удар выбил воздух из лёгких, ослепила вспышка бо-
ли.

Огромная лапа, похожая на гигантскую человеческую ру-
ку прижала к земле. На стёкла окуляров противогАЗа заКапа-
ла слюна. В голове бил колокол. Сознание мутилось. Алая
пасть, полная острых кривых зубов с двумя мощными клы-
ками, обдала влажным жаром. Сейчас тварь оторвёт ей баш-
ку. И Вороне, вдруг стало так смешно, что она хрипло рас-
хохоталась, дико, безумно...

И сквозь свой хохот она услышала:

– Фу! А ну, не трогайте! Фу, кому сказал! А ну, ко мне, пёсики! Ко мне, милые!

Зверь снял с неё лапу.

А потом, её подхватили на руки.

В лицо её смотрели странные тёмные, с лиловым оттенком глаза на тонком лице, обрамлённом длинными, светлыми, почти белыми волосами.

– Живая! – выдохнул тот самый странный парень, что принимал солнечные ванны в ультрафиолете и обращался к лютоволкам как к домашним пёсикам. – Я сейчас к папе тебя отнесу! Он поможет! Он у меня знаешь какой умный и хороший! Он всё знает и всё умеет! Ты только не молчи! Скажи что-нибудь!

– Охренеть! – только и успела выдать Ворона, прежде, чем отключиться.

2

Первое, что Ворона почувствовала, когда очнулась – это странную, скользкую свежесть на лице, предплечьях и кистях рук. Будто бы по ним проводили тонкой, воздушной вуалью прохладного шёлка. Было приятно. Что-то едва слышно потрескивало. Слышались шаги. Она лежала на чём-то мягком. Голова явно покоилась на самой настоящей подушке. Тело, по грудь, укрывало пуховое одеяло, тёплое и уютное.

Она шевельнула рукой. Рука попала во что-то мягкое и тёплое. Шерсть. Шерстяной комок заворчал, зашевелился. Ракета! Енот осторожно наступил лапками ей на плечи и облизал лицо – радовался, что она проснулась.

Ворона разлепила глаза. Увидела над собой скуластую мордочку в маске со стоячими заострёнными ушками, слегка шевелящийся влажный чёрный нос и чёрные бусинки глаз. Девушка улыбнулась, с трудом подняла перебинтованную руку – тело было как не своё, – и почесала друга за ушком, с наслаждением погрузив пальцы в длинный мех.

Было уютно, тепло, хорошо. Так бы лежать, и не вставать никуда.

Но тут, Ворону будто бы окатило ледяной водой, смывая остатки ленивого оцепенения. Она глубоко вздохнула, попыталась встать, но не смогла – мышцы одеревенели и утратили

всякую силу. Она лишь смогла беспомощно застонать. Она лежала на простой железной кровати со спинками из тонких прутьев, какие были в древних домах. Лежала в дальнем углу небольшой комнаты, освещённой бледным дневным светом, льющимся из окна напротив, прикрытого лишь лёгкими занавесками. С потолка свисали пучки ароматных трав. В дальнем углу, справа от тяжёлой двери, в специальном, обложенном плиткой, месте, стояла буржуйка. В ней полыхали поленья.

Ворона с ужасом поняла, что она лежит совсем голая, не считая, майки и трусов, лишённая малейшей защиты от всепроникающей радиации и ядов, оставшихся с Апокалипсиса. На смену ужаса пришло немое отчаяние. Ну, вот и всё! Наверняка уже нахлебалась! Сейчас начнётся чудовищная интоксикация организма, а волосы, зубы и ногти будут выпадать вместе с ошмётками обожжённой и вздувшейся кожи и плоти! Будет усиливаться сводящая с ума боль, она ослепнет и будет биться в конвульсиях и безудержной рвоте...

И ничто теперь её не спасёт!

И кто такое с ней сделал? Тот ли это странный парень – последнее, что она помнила после лютоволков.

А Ракета – ничего! Сидит себе, смотрит на неё своими пронизательными глазками, мол, ты чё дёргаешься, дорогуша?! А раньше он её зубами и лапами отгаскивал от опасных мест, и не давал идти туда, где фонило сильно.

– Да ты не бойся, маленькая! – услышала она ласковый

женский голос совсем рядом. – Тут всё чисто. Вон, даже трава и деревья растут нормально.

Ворона обернулась. И, на мгновение, онемела от накативших на неё чувств. К ней подошла женщина с большой металлической кружкой в руках. Человек! Человек! Выживший! Сан Петрович был прав! Прав, когда говорил, где искать людей, которые могли ещё остаться! И прав оказался в своих расчётах и прикидках! А она ещё сомневалась! Верила, конечно, но сомневалась!

Сан Петрович был последним человеком, которого видела Ворона. Сама она думала, что, наверное, людей больше и не осталось вовсе в этом искорёженном ядерными взрывами, заразой и ядами мире. Тех, кто выжил в первых волнах Великой Скорби, или, как говорил Сан Петрович, Великой ... шибанутости, добила радиация, голод, яды, болезни и... твари, невесть откуда появившиеся на смену старой флоре и фауне десятков лет спустя. Да даже и те жалкие остатки, которые надеялась найти Ворона, должны были представлять собою иное зрелище, чем эта дама, и жаться в подземелье, пытаясь обеспечить себе хотя бы смерть в относительном покое. А эта женщина хоть была немолода, но выглядела до странности хорошо. Первое, что бросилось в глаза – на ней не было ни защитного костюма, ни даже маски, защищавшей органы дыхания. Чистая, даже ухоженная (впрочем, и Ворона за собой старалась следить – просто, как символ того, что сдаваться она не собирается), со статной осанкой. Округлое ли-

цо, изборождённое тонкой сеточкой морщин, улыбающиеся серые глаза так и лучатся теплом, от которого на душе становится хорошо. Русые волосы с прядками седины, забраны под алую косынку. Руки грубые, привыкшие к физическому труду, но женственные. На ней была потрёпанная серая телогрейка, надетая поверх тёплой кофты, серые же штаны и старые сапоги.

– Попей. Это бульон, – женщина поднесла ей к губам кружку с ароматно пахнущей жидкостью – от запаха в животе Вороны заурчало. Когда она в последний раз ела? Ракета не спускал с женщины недоверчивого взгляда, но к Вороне приблизиться позволил. Значит, опасности не чувствует, а за время, что проводила с ним Ворона, она поняла, что зверёк редко ошибается. – Ничего не бойся. Пей!

– У вас иммунитет? – прохрипела Ворона.

– Какой иммунитет? – удивилась женщина.

– К радиации. К заразе...

– Да какой иммунитет! – улыбнулась женщина. – Нас Адам защищает.

– Адам?

– Адам, – ответила женщина так, будто бы Ворона просто обязана знать Адама, и не знает лишь по какой-то нелепой случайности. – Адамка. Сынишка начальника нашего. Он тебя, кстати, и притащил. И зверька твоего. И, во многом благодаря ему у тебя кровь не хлестала, и Егор Матвеевич тебе помочь успел. Адамка нас защищает, и лечит. И благо-

даря ему тут нигде никакой заразы нет. И земля родит лучше. У нас даже цветы, травы и деревья растут, такие как до Великой Скорби.

Ворона закрыла глаза, устало опустившись на подушку. Сил удивляться и возмущаться, чего-то требовать совсем не было. Со временем, она во всём разберётся.

– Пей, – в очередной раз предложила женщина.

Ворона приподняла голову. Женщина бережно придерживала её за затылок и поднесла кружку к губам. Бульон был тёплый, наваристый. От него по телу разлилось приятное тепло, и в животе поселилось чувство наполненности и удовольствия.

– Бедненькая, – всё приговаривала женщина, – А худенькая какая! Ну ничего! Вроде, здоровенькая, без увечий. Выходим, вылечим! И не таких на ноги поднимали.

Тётушка говорила так, будто бы Ворона уже решила, что останется здесь. Видно, что эти люди не представляют опасности, и намерения у них добрые. Но, стоит ли доверяться первому впечатлению? А, с другой стороны, чего она думает? Она же хотела отыскать людей! И искала так долго! И, вот, теперь, когда отыскала, наконец, почему же её гложут сомнения, и радость подтачивается едва уловимым, но стойким, чувством страха?

– Спасибо, – поблагодарила девушка, когда выпила весь бульон. – Кто вы? И что это за место?

Женщина внимательно посмотрела на неё.

– Ты издалека, – это был не вопрос.

– Я из города, – ответила Ворона. – Жила там.

– Батюшки! – воскликнула женщина. – Как же там жить?

“Забавная странность, ведь, почти тот же вопрос я хочу задать и вам!”, – подумала про себя Ворона.

– В бункере мы жили, – ответила Ворона, чувствуя. Что с этой женщиной её странно тянет на откровенность. – С Сан Петровичем.

– Это папа?

– Нет...отчим. Родителей я почти не помню... Он один меня на ноги ставил.

Женщина сочувственно покачала головой:

– Надо же! Как Адамчик наш. Его же Егор Матвеевич тоже тут, в лесу нашёл.

Ворона пока промолчала. Да кто они все такие?

– Здесь раньше церковь была, – продолжала женщина. – И поселился тут сначала Егор Матвеевич и пара его однополчан. Как могли, наладили тут всё. Потом Егор Матвеевич Адамку нашёл и взял к себе. Воспитывал как родного сына. А потом, к нему потянулись другие. Я пришла, когда тут уже с десятков человек прижилось. Сама в лесу помирала, да подобрал меня дед Игорь. У меня ж тоже, почитай, и не осталось никого. Так и живём тут. Немного нас. Не наберётся и полусотни. И в основном, бабы, старики да больные. Но ничего, живём дружно. Трудимся. Помогаем друг другу. А Егор Матвеевич за всех нас – словом и делом помогает.

Женщина помолчала.

– Хочешь, и ты с нами оставайся...

Ворону этот вопрос, одновременно обрадовал и напугал.

– А примете? – неожиданно для себя спросила девушка.

– А чего не принять? Только, ты наперёд, с Егор Матвеевичем поговори. Он примет. А ты с ним познакомишься, – женщина тепло улыбнулась. – Он необыкновенный.

3

Когда Ворона достаточно окрепла, что могла стоять, она первым делом отправилась осматривать поселение. Благо ей не препятствовали, и даже вернули кое-что из оружия. Исправный пистолет с последними оставшимися у неё обоймами к нему. И, что самое удивительное, вернули даже "Калаш" с тремя последними магазинами.

День, когда Ворона-таки вышла на ознакомительную прогулку, выдался тёплым и солнечным. По грязно-синему небу плыли обрывки матово-чёрных туч, подсвеченные по краям тёплыми, но не обжигающими солнечными лучами. Дул приятно-холодный ветер, треплющий непослушно спадающие на щеку пряди, выбивающиеся из короткой косы, и воздух казался сладковато-тёплым, бодрящим и чистым. Таким дышать – не надышишься. От такого кажется, что крылья у тебя за спиной вырастают. А тело становится лёгким-лёгким. И даже чувствуешь, что стоит тебе хорошенько оттолкнуться ногами, как ты полетишь далеко ввысь, далеко за пределы искажённого человеческим безумием мира.

Однако, Ворона не поддавалась захлёстывающему чувству эйфории. Она шла по просторной улице, тянущейся между редкими, но большими и добротными домами, собранными из грубо обтёсанных брёвен, и утеплённых дерюгой, или паклей. Крыши были покрыты лапами чудовищных

деревьев, широких, тёмных, густо поросших длинными иглами, надёжно прикрывающими дома от непогоды. Ветки были наложены на чёрные, или серые листы неизвестного Вороне материала. Окна домов закрывали либо деревянные ставни, плотно прилегающие друг к другу, либо же потные занавеси.

Что её особенно поразило, так это то, что во дворах каждого из домов имелся свой огород. А перед окнами были разбиты цветники, пестреющие алыми, жёлтыми, или огненно-рыжими венчиками. То и дело ей попадались женщины в телогрейках и длинных юбках, стирающие на крыльце, или тащащие сумки, набитые сушёными травами. Мужчины таскали канистры, или вёдра с водой – за поворотом, на широкой деревенской площади, Ворона увидела водокачку, к которой выстроилась небольшая очередь. Завидев её, стоящие в очереди люди, и мужчины, и женщины, приветливо поздоровались с ней. И это было настолько искренне и дружелюбно, что Ворона почувствовала, как её подозрительность уменьшилась ещё на добрую треть. Да и чего ожидать от стариков да баб с детьми. Мужчин – здоровых и крепких, – в деревне и правда было мало. И те не выглядели богатырями. И, что особенно интересно – они все были безоружны!

Особенно всеобщее внимание привлекал Ракета. Люди заглядывались на него, улыбались. Он лишь многозначительно оглядывал приближающихся к нему и даже, иногда, давал себя погладить. Это удивительно и приятно. Раз зверёк не

чувствует угрозы, значит, её нет, и людям этим он, худо-бедно, доверяет.

– А, вот ты где! – Ворона оглянулась. Ей в лицо, чуть ли не от уха до уха, улыбался тот самый странный парень. Светлые волосы удивительной гривой обрамляют тонкое, точёное лицо с заострённым подбородком и по-девичьи мягкими чертами. Большие сине-лиловые глаза искрятся неподдельной радостью. Теперь он был одет чуть больше, чем в городе – на нём была запылённая майка с выцветшим рисунком и жилетка со множеством карманов. Ворона невольно залюбовалась его искренним и чистым взглядом и красивыми, тонкими руками, белыми и совершенными, как у мраморной статуи, выточенной искусным скульптором. И, что самое странное, парень вызывал чувство умиротворения, покоя и даже умиления, какое бывает, когда видишь что-то очень красивое, маленькое и хрупкое.

– Как ты себя чувствуешь? – участливо спросил он, заглядывая ей в глаза. Это одновременно и обескураживало, и раздражало, и... нравилось? Да ну, что за хрень!

– Нормально! – отмахнулась Ворона отведя взгляд. – Жить буду. Благодаря тебе, кстати. Так что, спасибо, в долгу не останусь.

Парень снова улыбнулся. Теперь смущённо. Твою мать, да он что эти улыбки перед зеркалом разучивает?! Как, сука, у него получается выглядеть таким трогательным?!

– Ты ищешь кого-то? – спросил он.

– Вообще-то, да...мне к главному вашему надо.

Голос ещё звучал непривычно. Ворона говорила редко, и то только с Ракетой.

Кстати, о еноте. Ворона только сейчас заметила, что парень, на протяжении всего разговора уже спокойно поглаживал лобастую голову зверька и чесал ему за ушком. А енот и рад! Кто он такой?! Человек ли он вообще? Что это за ходячий заряд милоты, что уничтожает всё дерьмо в радиусе сотен километров лучами своей трогательности?

Ладно. Ещё будет время разобраться. Наверное...

– К папе? – обрадовался он ещё больше. – Так я тебя отведу.

Он неожиданно схватил её за рукав свитера, так, что Ворона даже ничего не успела сделать, и потянул за собой.

– Эй, полегче! – только успела выдавить она, вырвав руку, может, чуть грубее, чем следовало. Она поняла это, встретившись с ним глазами, и увидев в них искреннее непонимание и тень грусти, такую, что и её сердце сжалось, а в груди заворочался стыд. Да, совсем одичала.

– Прости, ещё не привыкла к людям.

– Это ничего! – с пониманием отозвался парень. – Освоишься. Привыкнешь. Пойдём.

Чтобы разрядить обстановку и справиться с одолевающими её чувствами, Ворона спросила:

– Тебя Адам зовут?

– Ага. А тебя?

– Ворона, – пожалала плечами девушка.

– Но это же не твоё настоящее имя, так? – Адам странно посмотрел ей в глаза. Прищурился. Хитро улыбнулся, и выдал: – Анна тебя зовут.

Ворона опешила.

– Как ты...

Адам лишь улыбнулся и пожал плечами:

– Увидел.

– Ну не на лбу же оно у меня написано?!

– Почти. Когда человеку дают имя, оно становится неразделимо с ним.

– Ты телепат?

– Кто? – искренне удивился парень.

Вот уж атас! Имена может читать, а такие простые вещи не знает!

И только Ворона собралась ему объяснить, как он насутился и пробурчал – ну, точно, мальчишка:

– И никакой не атас! Ну, подумаешь, не знаю, кто этот твой телепат. Зато, я много чего другого умею.

Ворона нервно сглотнула.

– Ну, вот, телепаты, это такие люди, которые умеют делать то, что только что сделал ты... только, можно тебя попросить лишний раз так со мной не делать, а то мне страшно немножко.

– Прости, – по-доброму улыбнулся Адам. И, лукаво блеснув своими восхитительными глазами, добавил: – Но ты

слишком много и громко думаешь.

Удивившись себе, Ворона хохотнула. Несмотря на экзальтированность и восторженность тембра голоса, торопливость, будто парень под веществами, девушку он не раздражал. Даже, напротив, он казался... забавным и милым!

И ворона злилась на себя за это. Тоже мне, блин, потекла от одного взгляда! Как барышня кисейная!

– Ладно, буду учиться думать тише, – пообещала она.

– А, вот, мы и пришли! Проходи в гости!

Они оказались во дворе кряжистого бревенчатого дома с разбитым вокруг огородом. Чуть поодаль, стояло высокое, потемневшее здание причудливой архитектуры. Оно было высоким, каменным, полуразрушенным, с облупившейся штукатуркой. Видны были остатки высоких сводов. Высокие тяжелые двери были окованы темным металлом. Венчали здание округлые купола. Это здание, казалось, было центром всей деревни, ее сердцем. Ворона вспомнила, как Сан Петрович рассказывал о далеком прошлом их мира. О том, как давным-давно, когда люди еще не были полноправными хозяевами мира, мир казался людям полным страшных, чудовищных сил, в основном, враждебных человеку: духов, демонов, призраков. И единственной защитой для людей был Бог, местом Силы и присутствия которого всегда был Храм. И прежде всего, что бы ни было, в поселении людей, строили и освещали церковь, чья сила держала духов и демонов извечной ночи на почтительном расстоянии от че-

ловека. Сама Ворона еще подумала, усмехнувшись сама себе: интересно, а это помогает против мутантов и заразы?

Когда Адам пригласил Ворону в дом, внутри довольно уютный и ухоженный, девушка почувствовала, как внутри заворочалась беспокойство. Ворона ожидала увидеть кого-то страшного, властного, тяжелого...

Но каково же было ее удивление, когда она увидела в общей комнате сухопарого, высокого и крепенького человека с коротко остриженными седыми волосами, в зеленом военном свитере. Он сидел за столом, изучал разложенные перед ним бумаги, испещренные записями.

– Па-ап?

И когда он поднял на них глаза, Ворона тут же забыла обо всех своих страхах. Этот человек был по-настоящему светлым. С суровыми, но мягкими чертами лица, широкими скулами, лучистыми серо-голубыми глазами. В его волосах, светло русых, усах и бороде поблескивала седина. В уголках глаз залегла сеточка морщинок. Казалось, что этот человек мягко и по-доброму улыбается. И его свет, вольно, или невольно, проник и в душу Вороны.

– Вот она, гостья, наша, – сказал Адам. – Можно она у нас жить будет?

– Но сначала с ней надо познакомиться, ты согласен? – прозвучал хриловатый, но приятный голос человека.

Адам кивнул.

– Пойдем, Ракета, твоя подруга с папой говорить будет...

Они отошли в дальний угол большой комнаты, туда, где стояла простая железная кровать. Судя по вороху листов рядом с ней, баночек с диковинными цветами и коробочек с шишками, это была кровать Адама.

Ракета настороженно поглядывал на Ворону, будто бы говорил, если что я рядом. Но ты ничего не бойся. Я в этих людях угрозы не чувствую.

– Как звать-то тебя, гостя? – спросил отец Адама, сплетя пальцы и внимательно посмотрев на Ворону.

– Во... Анна.

– Меня можешь звать Егором Матвеевичем, а с Адамом, – он кивнул в сторону приемного сына, который играл с Ракетой, а точнее, елот его развлекал, показывая, как ловко держит шишку на носу, – ты уже знакома.

Повисло недолгое молчание. Анна чувствовала себя очень смущенной.

– Расскажи о себе, Анна? – попросил Егор Матвеевич.

Ворона вздохнула.

– Да чего тут рассказывать? Детства, почитай, я своего не помню. Растил меня приемный отец, бывший офицер, Александр Петрович. Он меня обучил всему, что знал сам. И как ходить по неизвестной территории, как определять, что опасно, а с чем можно сладить, как стрелять, драться. Учил разбираться в оружии и технике, отыскивать тайники с припасами.

Она помолчала, поддавшись потоку нахлынувших воспо-

минаний, на мгновение, а затем, продолжила:

– Мы с ним жили в городе, на его западной окраине. Людей, кроме него, я больше и не видела. Да и он не видел последние несколько лет. Но он был убежден, что выжившие остались. Вел какие-то свои исследования, расчёты, вел дневниковые записи. Он-то и надоумил меня двигаться дальше, к северо-востоку от центра города. На пустыре я встретила, вот, его, – Ворона кивнула в сторону Адама, увлеченного игрой с Ракетой. Парень и енот катались по полу, сцепившись в клубок. Ракета повизгивал, а Адам заливисто хохотал. Оба явно получали удовольствие. – Ну а дальше... полагаю, вы знаете.

Егор Матвеевич опустил ладони на стол и некоторое время внимательно смотрел на Ворону, прямо в глаза, будто бы в душу всматривался.

– Тяжело вам было в мертвом городе, – в голосе звучало искреннее сострадание. – Значит, кроме нас, ты людей больше не встречала.

– Нет, не встречала, – ответила Ворона, явно насторожившись от напряженного тона Егора Матвеевича. И спросила в свою очередь, поразившись собственной смелости: – А должна была?

Вопрос, повис в воздухе грозовой тучей. Даже Адам оторвался от игры с Ракетой, и почесывая нового друга за ухом, напряженно посмотрел на Ворону.

Егор Матвеевич бросил быстрый взгляд на Адама, и, буд-

то бы решив что-то про себя, ответил Вороне.

– Поверь, нам есть чего опасаться, и это далеко не мутанты и зараза, – глухо проговорил начальник поселения. – И, к сожалению, это будет даже страшнее.

Ворона вопросительно приподняла бровь, внимательно слушая.

– Это люди, – ответил Егор Матвеевич. – Те самые, кого ты так долго искала. А мы бы предпочли дикие пустоши такому соседству.

Сердце Вороны пропустило удар. Значит, есть и ещё люди, и они опасны.

Ворона почувствовала, что пока лучше оставить эти вопросы при себе.

– И вы решили, что я как-то связана с ними, – вслух сказала она.

– Прости, если обидел тебя подозрением.

Ворона развела руки, мол, понимаю, ответственность.

– Они появились относительно недавно, – продолжал Егор Матвеевич. – Пришли с юга. Вёл их один весьма неоднозначный, скажем так, человек. Назвал он себя Пастырь Добрый, и судя по всему, держал своих в полном подчинении, в ежовых рукавицах. Поняли они, что заразы тут нет, да и мутанты особенно людей не беспокоят, и обосновались тут, невдалеке, километрах в тридцати по соседству.

Ворона про себя ахнула. Это что же, вот этот, вот, щупловатый мальчишка с глазами несмышлёныша купол безопас-

ности такого радиуса держит?!

– Беспокоить они нас не особо беспокоят, – Егор Матвеевич побарабанил кончиками пальцев по столу, и мрачно добавил: – Пока что. Но, ведут себя агрессивно. Я видел их взгляды, слышал, как они с сыном моим разговаривают. Он для них – отродье, недостойное зваться человеком. Мутант, которого нужно уничтожить. Как и остальных.

Ворона снова посмотрела на Адама. Парень поглаживал лобастую голову Ракеты, почёсывал его между ушами, задумчиво смотрел то на отца, то на Ворону. И в девушке родилось странное, неизвестное доселе чувство. Это было похоже на возмущение, какое бывает, когда видишь, как обижают невинного слабого человека, непонимание, чем так не угодил тем людям этот ребёнок-переросток с удивительными лилово-синими глазищами, и щемящее ощущение, замешанное на жалости и нежности, и желании всеми силами защищать это создание. С чего вдруг, почему?

Адам, будто бы почувствовал мысли и чувства Вороны, и радостно улыбнулся.

Ворона снова смутилась и разозлилась на себя. Отвернулась.

– И вы решили, что я одна из них?

– Честно признаться, да. Ты хорошо вооружена. Чувствуется подготовка. По-хорошему, мне бы отправить тебя обратно к Пастырю...

– Папа! – встревоженно воскликнул Адам. – Я ещё раз го-

ворю, что нашёл её в городе! Зачем людям Пастыря уходить так далеко?

– Например, за консервами, боеприпасами. Анна могла быть их разведчиком, – спокойно сказал Егор Матвеевич, не спуская глаз с Вороны. Признаться, ей было не по себе под этим взглядом. Чувствовала себя нашкодившей девчонкой, которую отец застукал за разбитой вазой. Было страшно, обидно.

– Но, она же...

Егор Матвеевич спокойно поднял руку, и Адам почти-точно замолчал.

– Я знаю, – сказал начальник поселения и затем, вновь обратился к Вороне. – Чашу весов в твою сторону склонили твои бумаги. Не думаю, что эти записи можно подделать, или выдумать, да и зачем?

К чему это он говорит?

– В общем, так, Анна-Ворона, – Егор Матвеевич вздохнул, откинувшись на спинку стула. – Оставайся-ка ты с нами. Конечно, за тобой первое время приглядывать будут, и не приведи Господь тебе что-то глупое выкинуть, но жить ты будешь в нашей общине, и тебя никто не обидит. Наш дом – твой дом. И наша еда – твоя.

– Ура! – Адам чуть не прыгал от радости. – Пап, можно я ей помогать осваиваться буду?! Ну пожалуйста!

– Тихо, тихо! Раскричался! – улыбнулся Егор Матвеевич. – Что Анна скажет?

– Да, – Ворона едва справилась с водоворотом чувств и мыслей, и слова давались с трудом, – я согласна...

– Вот, здорово! Пойдём, я тебе покажу где у нас что...

И он рванул к Вороне.

– Адам, погоди! – остановил сына Егор Матвеевич. – Ты хочешь о чём-то спросить?

– Хотелось бы, – ответила Ворона. – Вы сказали, что эти ваши соседи, они агрессивны, так?

– Напрямую нас они пока не трогают, – ответил Егор Матвеевич. – Потому что мы делимся с ними едой, лекарствами, а то и лечим их, хотя, Пастырь смотрит на это с неодобрением.

– В таком случае, почему вы вооружены так слабо? Где ваши патрульные? Кто вас охраняет?

– Поверь, поселение есть кому защищать. А им обычное оружие не нужно, – загадочно улыбнулся Егор Матвеевич.

Сама не зная почему, Ворона сказала:

– Я верю в то, что вижу. А раз я тут остаюсь... Егор Матвеевич, я неплохо стреляю, и, смею надеяться следопыт неплохой. Я могу и на дежурстве стоять, и окрестности разведывать. Если будет нужно...

– Спасибо, что предложила, твои навыки могут пригодиться. А сейчас, отдыхай, осваивайся. Добро пожаловать домой.

4

– Вот тут у нас склады, – Адам махнул в сторону вытянутых кряжистых строений с глухими окнами, – А здесь, – Адам указал налево, на такие же строения, но, как показалось Вороне, ещё более фундаментальные и крепко сбитые, – у нас теплицы. Тут мы выращиваем грибы, а в некоторых отсеках овощи и даже фрукты. С помощью гид-ро-по-ни-ки, вот. Попрошу тётю Машу, может, она угостит нас мандаринами и лимоном. Я больше лимоны люблю. А ты?

Ворона сглотнула слюнки при упоминании о фруктах. И, кстати, после всего того, что она видела и слышала, она решила больше ничему не удивляться.

Слова спутника пробудили почти забытые воспоминания. Она вспомнила вскрытую консервную банку. Оттопыренную тонкую крышку с зазубренными краями, об которые было легко порезаться. А над ней – запах. Запах, от которого кружилась голова, а чувства переходили в ощущения неопишуемого восторга. Это был свежий, прохладный, сладкий аромат, настойчиво нежный, уносящий мысли к чему-то далёкому и неведомому. К беззаботной неге жизни ещё до Великой Скорби. Жизни, ныне безвозвратно утерянной, и кажущейся лишь сном. Призрачным, обманчивым... Ворона помнила... Это были кусочки ананаса в соку. Они так и таяли во рту, растекаясь по нёбу, языку, нежной и пронзитель-

ной сладостью, дразня и лаская вкус. Настоящее лакомство! Это был подарок Сан Петровича на её, Вороны, День Рождения. Сама Ворона, признаться, не помнила, когда родилась, и что это за день такой. Его ей придумал Сан Петрович. Для него этот день был особенно важен. Ворона догадывалась, что этот день связан с его семьёй, которая когда-то у него была. Тогда, отчим особо не рассказывал о себе, а Ворона спросить не решалась.

– Прости, что я так много говорю, – Адам смущённо опустил взгляд, будто бы почувствовал её мысли. – Я тебя утомляю. Просто, – он вскинул голову и сказал то, от чего Ворона чуть не споткнулась и не растянулась на дорожке. Будто бы ей ножом под сердце саданули, – просто, ты мне очень нравишься... И ты очень одинока... Я... Я чувствую...как ты...боишься.

Сердце Вороны выпрыгивало из груди. Что теперь делать? Рывкнуть на этого сопляка как следует? Заставить замолчать? Наорать так, чтобы не смел больше подходить? Резко развернуться и сбежать – так, чтобы он слёз её не увидел. Ведь, ещё немного, и они так и покатятся из глаз, и их будет не остановить. Ворона ненавидела себя в такие моменты. Чувствовала себя загнанным в угол зверьком. А она ненавидела чувствовать себя загнанной в угол. Горло будто корень-кросос обвил. Так и давит, так и душит! И все потому что этот ребёнок великовозрастный прав! Да, ей одиноко! Да, ей страшно! И да, не к кому с этим прийти и разделить

эту тяжесть. А, вот, теперь, вроде бы и можно...но до чего же...невозможно!

Но это было еще не всё. Этот чудик читал её будто раскрытую книгу!

– Ты очень боишься. Боишься поверить, что всё будет хорошо, без подвоха. Боишься, что как только расслабишься, мы все тут же превратимся в кровожадных уродов, которые тебя предадут, сожрут, или еще что... Потому что ты уверена, что если сейчас все хорошо, тебе за это потом будет очень плохо... И тебе невыносимо больно от этого. Больно и страшно... Ведь столько раз так и было... Что тогда, в детстве, когда ты жила с настоящими мамой и папой... Что потом, когда тебя приютил тот добрый солдат, и научил тебя жить, выживать и даже помог стать увереннее в себе... Это все у тебя отобрали... Ты винишь себя... Считаешь, что... что недостойна таких подарков...

Ворона стиснула челюсти. Молчала. Да и что тут, сука, скажешь???

Только бы не разнюниться на глазах у этого несмышлёныша, который так ловко ее душу вывернул! Впрочем, ей уже было не страшно... Она, вдруг, остро почувствовала себя, действительно, все той же маленькой потерянной девочкой, одной в темноте умершего бункера, постепенно наполняющегося холодом. Почувствовала ужас от того могильного молчания. И как сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда тьму вспорол луч фонарика, и хриплый голос, сопровож-

даемый лязгом затвора, рывкнул "Кто здесь?!". Глухо сквозь противогаз. Сан Петрович был мужик опытный, патроны берёт. И это спасло Вороне жизнь, потому что неопытный юнец изрешетил бы и ее импровизированное убежище, и её саму...

Тогда она не плакала. Слишком боялась. А сейчас была готова разреветься. Вот и в глазах мерзостно защипало.

– Я очень хочу, чтобы тебе, наконец, перестало быть больно, – искренне, с самым настоящим, пронзительным, состраданием сказал Адам, все еще смущаясь перед едва сдерживающей слезы Вороной, трогательно переминаясь с ноги на ногу. – И я сделаю всё для этого. И мы все сделаем. – Теперь он храбро взглянул девушке в глаза, его глаза тоже были влажными. – Ты очень долго была совсем одна! Но теперь, у тебя есть дом, где тебе все рады, всегда-всегда, и тебя всегда будут ждать. И где тебя укроют и защитят.

Ворона не понимала, что происходит. Не знала, что творит. Да и к чертям!

Она просто подошла к Адаму и крепко его обняла.

Парень ответил ей тем же. Что тронуло особенно, он прильнул к ней не как к девушке, а как... к сестре, или к матери, как будто бы сам искал утешения и защиты.

Ворона проглотила непрошенные слезы, и выпустив парня из объятий, быстро, скрывая неловкость, вытерла глаза.

– Как у тебя это получается? – спросила она. – Как ты видишь людей насквозь?

Адам задумчиво закусил губу. Потом пожал плечами:

– Я сам не знаю... Просто, я как будто становлюсь... вот, я как будто стал тобой. Мне, вдруг стало очень одиноко и очень страшно. Я почувствовал напряжение и тревогу. Ожидание удара... отовсюду... Ты боялась меня. Боялась жителей нашего поселения...

– Поверь, я... от отчима много историй слышала. Во время войны такое было... еще до того, как люди применили самое страшное оружие... Сан Петрович хотел найти людей, когда схлынули огненные шторма и наступила Долгая Ночь. Но он и знал, что от них можно ждать. И меня предупреждал. Много он страшного рассказал.

– Я понимаю. И понимаю, что не сразу ты нам доверишься... хотя, сейчас я чувствую в тебе меньше страха...

Ворона смерила его долгим взглядом, положила руку на холку Ракеты, внимательно наблюдавшего за ними.

– Откуда же ты такой взялся? – удивленно покачала она головой.

Адам странно посмотрел на Ворону, и, вдруг, совершенно серьёзно, выдал:

– Я – сын Земли.

Ворона, на мгновение, замерла, пытаясь понять и переварить услышанное. Вероятно, информация была настолько неожиданно странной, что мозг попросту отказался её воспринимать и перерабатывать, провалившись в кататонический ступор. Ворона не знала, как реагировать на то, что она

только что услышала. А с учётом того, что она уже видела, решила уточнить:

– Что, прости?

– Моя Мать – это сама Земля. И я здесь, чтобы помочь Ей. И помочь своим братьям и сёстрам. То есть, людям.

Это был удар под дых. Ворона не знала, что делать, не знала, как реагировать. Если бы ей хоть кто-нибудь сказал такие слова, она бы сочла того человека сумасшедшим и двинула бы ему как следует прикладом в рожу – так, для профилактики! – но здесь... Телепатия. Управление мутантами. Стойкость к воздействию ультрафиолета. Умение каким-то чудом обеззараживать и очищать территорию одним своим присутствием...

Да, тут “поехать кукухой” проще простого!

– Так... – Ворона осторожно подбирала слова. – Ты не человек?

– А я и сам не знаю, – грустно признался Адам. – Мне кажется...не совсем. Хотя, вон, похож же я на тебя...и на папу... Руки, ноги, голова. Только, папа говорит, что, я, наверное, новая ступень эволюции. Он называет меня...как это... Человеком Новым... Не Разумным, как он, или ты, или тётя Маша, или все остальные...а...Новым... и я не понимаю, что это значит...как это?

Ворона бросила быстрый взгляд на Ракету. Енот внимательно смотрел на Адама. Потом, неуклюже переваливаясь, подошёл к нему, встал на задние ноги и положил лапку на

грудь, взглядываясь ему в глаза. На его языке это означало высшую степень признания. Мол, ты – мой друг. Удивительно!

Адам улыбнулся и почесал енота за ушком, неотрывно глядя ему в глаза.

– Ты тоже мне очень нравишься, – сказал он.

Когда Ракета снова подошёл к Вороне, Адам объявил:

– Теперь я тоже его детёныш, как и ты. Он принял меня в свою стаю.

– А мне казалось, что вы уже поладили.

– Мы только пригляделись друг к другу. Это очень умный зверь. Как...как человек... Кстати, а как вы познакомились?

Ворона улыбнулась:

– А я думала, ты уже знаешь, раз умеешь мысли читать.

– Я бы хотел это услышать от тебя, если хочешь ты, конечно...

Ворона Хмыкнула, улыбнувшись:

– Да тут, в общем-то никакого секрета нет...

Она помолчала, почесала енота за ухом.

– Познакомились мы где-то около года назад. Я, тогда бродила по городу, искала припасы. Услышала рёв с неба и хлопанье крыльев. Ты, ведь, знаешь, кто такие вампиры?

Адам приподнял бровь:

– Такие огромные полуптицы полулетучие мыши? Видел, конечно!

– И, наверняка знаешь, что это самый опасный хищник.

Хитрый и очень сильный. Я сама видела, как они грузовые машины переворачивали, технику, и бетонные плиты в воздух поднимали. Видела, как они лютоволка в воздухе разодрали, а на земле ни с лютоволками, ни с котопардами никто связываться не хочет. Попасть из автомата, и даже из чего помощнее, в них очень трудно, а если и попадешь, то с первого раза точно не завалишь, а до того, как приноровишься, эта тварь тебя десять раз убьёт. А убивают они страшно... так вот, я только спряталась, и увидела, как две твари пронесли аккуратно над тем местом, где стояла я, и пошли на снижение. Видимо, увидели добычу.

Ворона помолчала, вернувшись мыслями в тот день. И она рассказала о том, как спасла енота, принесла его, едва живого в своё временное убежище, как ухаживала за ним, и постепенно завоёвывала его доверие.

Адам слушал внимательно с нескрываемым и неподдельным интересом.

– Как оказалось потом, спасла я зверька не зря. – продолжала Ворона, поглаживая енота. – Конечно, он по началу дичился, шипел, и даже тяпнуть пробовал. Но, постепенно, привык. Даже начал давать себя погладить и на руки брать.

Она снова замолчала.

– Потом, когда он окреп окончательно, я решила отпустить его.

– Так он же к тебе привык! Вы же как стая стали! – удивился Адам.

– Так я-то тогда этого не поняла! – ответила Ворона. – А он ещё не хотел уходить. Но, когда увидел, что его обществу, в общем, не особо рады, побрёл прочь, медленно, вразвалочку, словно нехотя. Знаешь, я тогда даже чуть не расплакалась, – призналась Ворона и вновь ощутила, как горло сдавило от накатившей холодной волны одиночества. – Я же снова совсем одна оставалась. А он, – зверёк играя ухватил лапками руку Вороны и начал игриво покусывать, – всё-таки, и вправду, как человек оказался. Только, не говорит. Слушает, смотрит внимательно, будто всё понимает.

– Он понимает. – совершенно серьёзно покивал Адам. – Он намного умнее, чем можно подумать.

– В этом я уже успела убедиться. Я, тогда ещё себя одёрнула, решила, что дикому зверю на воле будет лучше. А мне и самой-то консервов не всегда хватает. Да и всё ж таки, это зверь, а не человек.

– И что было потом?

– А было очень интересно! Представляешь, к вечеру того же дня, он опять объявился, и притащил четыре ракорыбы!

– Это которые у берегов водоёмов живут? – уточнил Адам.

– Они самые! Довольно крупные, юркие твари. Живут на мелкой воде, поджидают там гигантских крыс, или даже сколопендр и мантикор. Даже одна тварь может нанести серьёзные раны даже лютоволку или котопарду. Челюсти и клешни у них жуткие. А кроме того, эти тварины не охотятся пооди-

ночке. А этот отмороженный енот, – Ворона приподняла руку, заставив ракету встать на задние лапки, – притащил целых четыре – четыре! – штуки!

Адам восхищённо покачал головой.

– Я охренела! Как он их поймал? И почему у тварей панцири расколоты, будто от удара тяжёлым предметом?! Он что догадался булжники использовать?! Я думала, я свихнулась. Простой зверь догадался охотиться с помощью подручных средств, и, наверняка хитростью выманил ракорыб на сушу, где они неповоротливее. Я тогда поняла, что зверь очень непрост. И последние сомнения в том, чтобы оставить его, у меня отпали.

Ворона снова помолчала. Ракета снова опустился на все четыре лапки, и девушка продолжала трепать его между ушей.

– А зверёк продолжал удивлять. Он быстро понял, что я не ем мяса монстров – оно слишком ядовито для меня, – и стал помогать ей искать консервы и чистую воду. Нюх и чутьё у него отменные! Не знаю, как, но он отыскивал тайники, пролезал в самые незаметные дырки и выбрасывал мне оттуда припасы. И, что самое, интересно, видимо, наблюдая за мной, он научился отыскивать медикаменты и даже патроны и оружие, если было надо. И что было вовсе незаменимо, он отлично чувствовал опасность. Он знал, когда прятаться. Знал, куда идти можно, а куда – не стоит. И предупреждал, либо резко останавливаясь, замирая, прислушиваясь. При-

нюхиваясь. Или клал мне на ногу лапку, приказывая остановиться. А иногда вцеплялся в комбинезон, и оттаскивал в тень укрытия.

– Ничего себе!

– Да. А в холодные ночи, он ложился рядом, обнимал, как своего детёныша, укрывал своим пушистым хвостом. Грел. А я быстрее засыпала, когда он начинал тихонько мурчать. Будто специально успокаивал. Мол, ничего не бойся – я с тобой. Я буду тебя защищать, никому в обиду не дам. Теперь, ты – моя стая. Ты – мой детёныш. А как он дрался! Скорость, ловкость, сила, когти и зубы – ещё не всё. Он хитрил и соображал отменно. Он даже лютоволка мог завалить. Даже котопарда, не говоря о сколопендрах, мантикорах, или иных существах. И, мне, и вправду, стало казаться, что в теле зверька живёт самый настоящий человек.

Повисло недолгое молчание.

– А почему Ракета? – поинтересовался Адам.

– А это в честь одного древнего героя, – объяснила Ворона. – Сан Петрович рассказывал, что ещё до Великой Скорби, была серия историй про космических путешественников. И, вот, среди них был такой енот, который ходил, разговаривал и, вообще, был как человек. Отчаянно отважный, ловкий и хитрый. Сан Петрович мне про него сказки рассказывал, когда я слишком боялась, и не могла уснуть. И, вот, этого енота звали Ракета. Я решила, что мой друг ничуть не хуже.

– Забавно, – мечтательно улыбнулся Адам. – Спасибо тебе

за твою историю. И за то, что ты с ним.

– Странно...

– Что?

– Что благодаришь, будто для тебя это так важно.

– Важно, Аня! – он серьёзно посмотрел на неё. – Ты и твой друг доказали, что в мире не всё пропало...

Девушка вздохнула. Может быть, Адам и прав.

Ворона опустила ладонь на холку енота, на его густой и жёсткий мех.

– Он не раз мне жизнь спасал. Видимо, это не просто благодарность за то, что я спасла его от вампиров.

Они снова зашагали по тропинке. Адам вёл. Но, шли они уже медленнее.

– После того, как он потерял свою стаю, стайей для него стала ты, – сказал Адам.

– Ты и Ракетины мысли видел? – изумилась Ворона.

– И видел, и чувствовал, – покивал Адам. – Он тебя очень любит. Вот и думай, после этого, что все мутанты – чудовища.

– Ты так не считаешь.

– Нет! – как-то совсем резко ответил Адам.

– Значит, тебя не часто пытались сожрать.

– Для многих из них мы – точно такая же угроза. Для них и их детей.

– Человек разве не должен себя защищать? Ты не считаешь, что без мутантов мир был бы лучше, и человеку бы жи-

лось спокойнее?

– Да, люди должны себя защищать! Но это не значит, что мы должны стереть с лица земли саму жизнь! Один раз мы уже доигрались! Кому нужен ещё один Апокалипсис?! Или мы хотим совсем превратить мир в выжженную пустыню?!

Ворона невесело усмехнулась:

– А этого больше и не надо. Мир уже настолько пропитался радиацией, ядами и заразой, что и так скоро превратится в мёртвый ад.

– Неправда! – Адам почти сорвался на крик, даже Ворона немного испугалась. – Мир не умирает! И не умрёт!

И, после того, как немного успокоился. Видимо, смутившись под взглядом Вороны, устыдившись своей вспышки, добавил:

– Мир не умер, как многие думают. И даже не умирает... Просто... просто, он очень болеет. И ему можно помочь. Его можно вылечить.

Ворона помолчала, потрепала Ракету по холке.

– Ты сказал, что ты пришёл помочь в этом...

– Да, – глухо отозвался Адам, и глаза его заблестели.

– И как же ты справишься... совсем один? Мы, люди, не умеем одним взглядом уничтожать заразу и радиацию. Нас жжёт радиация, разъедают химикаты и вирусы. Мы горим на открытом солнце... Мы не умеем договариваться с мутантами. Они видят в нас только добычу, а не... – Ворона смерила Адама взглядом, – детей.

На это Адам хитро улыбнулся.

– Пойдём, кое-что покажу.

И он зашагал быстрее. Ворона поспешила за ним. Рядом, скептически оглядывая всё вокруг, вразвалочку топал Ракета.

Впереди показались развалины какого-то здания. Щербатые заплесневелые стены, наполовину заросшие мхом и колючим камнеломом, похожим на чёрные вены. Ворона использовала нити этой хрени для создания ловушек по периметру от её убежища. Эту самую хрень почему-то очень боятся мантикоры и сколопендры. И крысы.

– Пойдём, – Адам поманил девушку за собой, к зияющему зеву входа.

Ракета настороженно остановился. Шерсть на загривке енота вздыбилась, зверёк оскалился и заворчал.

– Что там? – спросила Ворона, встав рядом с Ракетой. Ей стало совсем не по себе.

– Со мной ничего не бойся, – он посмотрел на Ракету и тепло ему улыбнулся. Енот как-то немного расслабился, но, всё равно встал перед Вороной – так, на всякий случай.

Адам повернулся к зеву прохода и позвал:

– Князь! Князюшка! Иди ко мне! Иди, хороший!

В проёме замаячила огромная тень.

Ворона в ужасе шумно вдохнула воздух, шарахнулась назад, не удержалась на ногах и шлёпнулась на пятую точку.

Всё, на что её хватило – это только крикнуть:

– Вали оттуда, придурок!

Тут же она вспомнила, что у неё калаш. Резкое выверенное движение – оружие ложится в руки. Девушка щёлкнула затвором...

– Не смей! – заорал на неё Адам, вытянув руку в её сторону. Вторую он держал на холке огромного матёрого лютovolка, покрытого шрамами, виднеющимися сквозь густой серый мех.

Оторопевшая Ворона опустила автомат, и с удивлением наблюдала за тем, как Адам гладит косматую шкуру зверя, чешет за изорванным острым ухом. Чудовище ответило тем, что облизало Адаму лицо широким чёрным языком.

– Подойди, не бойся! – улыбнулся Адам.

– Эти твари чуть не сожрали нас с Ракетой!

Адам погрустнел.

– Да, тут виноват я. Князь и его волки-воины меня защищали. Но и ты меня напугала!

Ворона встала на ноги.

– Я же убила нескольких его воинов! – что, она, действительно это сказала?

– Клыка и Серую Тень. Других только ранила. Клык всегда был очень агрессивен. Серая – его сестра, причём старшая, она не отпускала его от себя никуда.

Он помрачнел.

– Это охота. А на охоте, бывает, что стая теряет членов.

– Погоди, стая???

– Если угодно, его клан...

– Так это чудище здесь не одно?!

– Их около дюжины. Не считая волчат...

– И как они...

– Мы тоже их стая, – спокойно ответил Адам, вытаскивая пригоршню чего-то розового из кармана армейских брюк. Он протянул подарок зверю, и зверь аккуратно – аккуратно!!! – слизал угощение с ладони парня. – Вот, приберёг для него колбасы... Они нас не трогают, и даже защищают. А мы – их лечим и предоставляем убежище, где они могут спокойно держать волчат, пока они не подрастут. Иногда делимся своей едой. Но, чаще они нас кормят. Притаскивают гигантских крыс, или бегемотов.

– Это кем вы делитесь? – опасно спросила Ворона.

– Ох, ты опять! – вздохнул Адам. – Хорошо: ракорыбами, крысами, бегемотами, лесными демонами, корнями-крово-сосами, которые мы собираем и готовим из них жаркое. А ещё солонину на холодные месяцы про запас. Из последних отличные колбасы получаются. Убедил? Человечину они не едят! Во всяком случае, стая Князя.

– А ты откуда знаешь?!

– Знаю, поверь! А если ты подойдёшь, и дашь Князю себя обнюхать, он запомнит твой запах, и тебя точно ни он, ни его стая, не тронет! Ну давай уже! И Ракета пусть подойдёт.

Ворона решила, что точно сошла с ума.

Шаг. Ещё один. Зверь смотрел ей прямо в глаза своими

золотыми глазами. Ворона переводила взгляд то на мощные клыки, торчащие из пасти, то на чёрные загнутые когти, которые были в разы больше её указательного пальца. Ноздри на чёрном влажном носу расширились, шумно втягивая воздух.

Ещё шаг. Ворона изо всех сил старалась подавить дрожь. Монстр шагнул ей навстречу.

– Стой на месте! – приказал ей Адам, слегка схватив Князя за шерсть на холке.

Ворона, повинувшись неведомой силе в словах юноши, замерла.

Чудовище вплотную подошло к ней. Она ощущала его дыхание у себя на лице – тёплое, влажное. Зверь ещё несколько раз с шумом втянул воздух носом. Затем, ткнул Ворону в плечо и... смачно лизнул её в лицо.

– Вот и познакомились! – обрадовался Адам. – Можешь погладить.

– Чего?

– Погладь, говорю...

А почему бы и нет? Ворона подняла руку. Зверь вскинул голову. Медленно, осторожно, Ворона поднесла руку к мощной голове лютovolка и коснулась длинной жёсткой густой шерсти. Провела ладонью по меху раз, другой. Почесала его за ухом.

Ей казалось, что она спит и видит сон.

– Я же убила членов его стаи... Он должен был меня разо-

рвать, раз это такой необычный зверь, как ты говоришь...

– Он бы и разорвал, если бы меня не было рядом, – сказал Адам, так просто, спокойно. – Ещё тогда. Считайте, вы квиты. Теперь он знает, что ты – своя. И вместе со всеми будешь помогать защищать его детей. Но, опять же, это, ведь я виноват. Они меня защищали...

– Ты, ведь, их чувствуешь, да? – спросила Ворона.

– И не только их. Но с ними мне намного проще, чем с бешеными лесными демонами, мантикорами и сколопендрами. Они, – он кивнул на лютоволка, – ближе к людям...

Ворона мгновение стояла и просто гладила огромное чудовище, которое в обычной жизни и мокрого места бы от неё не оставило. А волк, тем временем, знакомился с Ракетой. Енот встал на задние лапы и без особой опаски положил лапу на огромную переднюю лапу зверя. Подружились. Но, зная Ракету, Ворона даже не сомневалась, что последний чувствует себя выше, чем вожак лютоволков, но, как настоящий хитрец этого не показывает.

– Вот и всё, – объявил Адам. – Теперь, ты тоже его стая. И, похоже, он считает тебя равной. Потому что ты справились с его охотниками, пусть и молодыми.

– Странно, что он меня принял, всё-таки, – пожала плечами Ворона.

– Ты сражалась честно, как умеешь, – сказал Адам. – И храбро. Мы зря думаем, что они, – Адам указал подбородком на лютоволка, – всего лишь чудовища, которым лишь

бы рвать и жрать. Они много понимают. Пойдём. Ещё кое с кем познакомлю!

Ворона отошла от огромного лютоволка и, сама не понимая почему и зачем, кивнула ему в знак прощания.

И чего это на неё нашло? Впрочем, может, так на неё действует Адам?

Парень лишь хитро улыбнулся в ответ.

Впрочем, плевать! Ворона даже поймала себя на мысли, что ей, в общем-то, всё очень даже нравится. Может быть, просто отпустить себя и порадоваться тому, что она нашла нечто большее, чем то, что она искала?

– Кстати, а почему ты называешь себя Ворона? – как бы невзначай спросил Адам. – Аня красивое имя.

Ворона пожала плечами:

– Так меня любя называл мой отчим, Сан Петрович. Говорил, что я особенная. И ему песня одна нравилась...

– Какая?

Ворона набрала в грудь воздуха, и пропела, как могла, сохраняя ритм и звучание, которое само-собой всплыло из тёмных глубин памяти:

Тикают так, как вулканы поют,

Реки стоят, воду больше не пьют.

Ты – как они, я же как ворона.

Стёкла не бьют, потому что их нет,

Сказка о том, где был солнечный свет,
Я же пою, где поёт ворона.

Кто-то стрелял и хотел напугать,
Я же сижу и не буду стоять,
Я не они, я же как ворона.

Птицы от них улетают совсем,
Город затих, повинуется всем,
Я же лечу, как летит ворона.¹

Адам слушал внимательно, даже рот приоткрыл.

– У тебя красивый голос, – наконец, сказал он.

Ворона смутилась.

– Ладно тебе подлизываться, – усмехнулась она, ткнув его в плечо кулаком. – Дам тебе послушать. Батарейки в моём плеере, кажется, ещё живы. Думаю, тебе понравится.

– Хорошо, спасибо, – улыбнулся Адам. – Забудешь, напомню.

– А Адам, твоё настоящее имя? – в свою очередь поинтересовалась девушка. – В наших краях оно редкое. Было, во всяком случае.

Адам пожал плечами:

– Так меня назвал папа. Сказал, что подойдёт мне больше

---

¹ Использован текст песни Линды «Ворона». Читать на сайте: <https://www.gl5.ru/l/linda/linda-vorona.html>

всего. Как новому виду человека.

– А как ты думаешь, такие как ты ещё есть? – спросила Ворона.

Адам снова неопределённо пожал плечами.

– Даже не знаю, – он серьёзно посмотрел на девушку. – Должны быть, мне кажется. Слишком много надо сделать. Один я далеко не всё смогу.

– И все они такие, как ты?

– Это какие?

Вопрос застал Ворону врасплох. От чего-то слова тяжело шли на язык.

– Такие... такие интересные?

– Глупые, хочешь сказать? – засмеялся Адам.

– Почему, глупые? Ты вовсе не глупый, просто, – она помолчала, – согласишься, странно видеть человека, который настолько открыт миру, что не боится ни радиации, ни заразы. Да ещё и верит во что-то разумное, доброе, вечное. Верит, что что-то ещё можно изменить к лучшему...

Адам кивнул в ответ.

– Понимаю тебя, – он провёл рукой по волосам, убирая со лба непослушную прядь. – А как ты сама думаешь, можно ли человеку жить без малейшей веры в то, что впереди может быть что-то хорошее.

Ворона не ожидала такого вопроса от, по-сути, ребёнка, коим Адам ей казался.

Она повела плечом:

– Мне кажется, так было бы проще. Хотя бы не надеешься ни на что, и потом не больно от разочарования.

Адам кивнул, и как будто бы помрачнел.

– Тогда, лучше, вообще ничего не ждать, – глухо проговорил он. – Лучше ни во что не верить, ни на что не надеяться и никуда не стремиться. В общем, не жить совсем.

Ворона почувствовала, будто бы ей ударили под дых такой страшной и убийственной логикой.

Ответила она, скорее из странного, мазохистического протеста, сама не желая верить в истинность своего ответа:

– Получается, что так...

Адам улыбнулся одними губами, заглянув ей прямо в глаза. Взгляд чистых сияющих глаз обжёг её, и она ухватилась за этот взгляд как утопающий за протянутую руку.

– Скажи, а зачем вы с отчимом, тогда, искали людей? Ну нашли бы, или не нашли. Дальше что? Умирать за компанию веселее? Или что? А если бы не нашли никого?

Странные слова обожгли Вороне душу.

– Может быть, ты и прав насчёт того, что подышать вместе как-то веселее...

Адам кивнул, показывая, что он отлично понимает, что Ворона сейчас по странному мазохистическому порыву пытается обмануть сама себя. Пытается сбежать в скорлупу отчаяния и одиночества, боясь признаться себе самой в том, что чувствует на самом деле. И чего по-настоящему хочет. И ей было очень важно, чтобы Адам это увидел и понял. И

сказал ей об этом.

– Ты в этом меня пытаешься убедить, или себя? Сама-то ты веришь, что тебя такой расклад устраивает? По глазам вижу, что не веришь. И чувствую в тебе азарт, огонь и упрямство, которые не дадут тебе просто так сложить лапки и пойти ко дну.

– А есть какие-то варианты? – не сдавались отчаяние и злость, оплетающие сердце девушки.

– Выбор есть всегда, – спокойно ответил Адам, – Сейчас в тебе говорит страх. Страх поверить в то, что всё можно исправить и исцелить. Страх поверить в сказку, которая может обернуться обманом. Да, может. Но это не значит, что нельзя хотя бы попробовать. И потом не жалеть, что ничего не сделал. Я, папа, все мы... все мы хотя бы попробуем. Предлагаю то же самое и тебе.

Ворона не ответила.

Они вступили на тропинку, поросшую по краям высокой травой и по-осеннему голым кустарником с редкими пожелтевшими листочками. Дорога петляла между больших, замшелых валунов. Кое-где попадались заржавевшие снаряды, врытые в землю. Где-то среди кустарника даже кусок танковой гусеницы, сквозь прорехи которой проросли высокие сочно-зелёные травы, напоминающие злаки. Где-то далеко, в дымке, Ворона даже разглядела остов подбитого танка, завалившийся чуть набок. Искалеченную машину уже облюбовал странный мох и колючий выюн. Прохладный ветер нёс

горьковатый аромат.

Ракета встал на задние лапки и настороженно осмотрелся. Но, видимо, не обнаружил опасности, и, опустившись на все четыре лапы, потопал следом.

– Куда мы идём? – поинтересовалась Ворона.

– Увидишь, – улыбнулся Адам. – Я тебя с Крыланами познакомлю.

– С кем? – забеспокоилась Ворона.

Дорога зазмеилась вниз, превращаясь в каменистую осыпь, некогда бывшую бетонным покрытием. Между расколотыми плитами пробивались пучки сочно-зелёной травы. Сами плиты покрывали пятна пушистого мха. Краем зрения Ворона уловила движение – вытянутый тёмный силуэт скользнул в высокую траву – прямо под приподнятую плиту.

– Ничего не бойся, – сказал ей Адам. – Здесь водятся змеи, конечно, но они предпочитают с людьми не связываться.

Далеко впереди показалось кряжистое строение, напоминающее заброшенный бункер, или пещеру. Дверь была вырвана. Каменные стены покрывал всё тот же выюн. На макушке этого причудливого каменного холма рос кустарник, и его мощные корни свисали над входом.

– Идём.

Адам пошёл первым. За ним – Ворона. Ракета напрягся, но, всё же, пошёл за друзьями.

Пришлось согнуться, потому что тяжёлый потолок был невысокий.

Было очень темно, и Адам взял Ворону за руку. Его рука была тонкой, как у мальчишки-подростка, но тёплой и крепкой, сильной. И от этой его силы, почему-то, становилось спокойнее.

– Можешь выпрямиться. Тут потолок высокий, – сказал Адам.

– Ты что, видишь всё? – в который раз удивилась пообещавшая себе больше ничему не удивляться Ворона.

– Вижу, конечно, – как само-собой разумеющееся ответил Адам. – Не бойся, я тебя держу. Когда придём, там чуть посветлее будет.

Ворона оглянулась.

Сзади двумя зелёными точками светились глаза Ракеты. Енот так же прекрасно видел в темноте и обладал, к тому же тонким нюхом и осязанием.

И то, что он начал угрожающе ворчать, Вороне совсем не понравилось.

Вскоре, действительно, стало светлее. Крыша в некоторых местах была пробита, и сквозь дыры со свисающими по краям корнями, лился бледный белёсый свет, ложась на щербатые плиты бетонного пола. Запах, конечно, здесь был тяжёлым. И он напомнил Вороне об одном эпизоде из прошлого, когда она едва осталась в живых. Тогда, она провалилась в гнездо вампиров. И едва унесла ноги от мамыши, которая защищала “птенцов”. Благо, что цель у родительницы была защищать потомство, а не накормить его...

Это было ещё до встречи с Ракетой.

Сейчас Ракета снова выгнул спину и угрожающе зарычал, встав перед Вороной.

– Ничего не бойтесь! – в который раз проговорил Адам, и смело зашагал в темноту, там, где кончались пятна света, едва выхватывая пространство из объятий мрака.

Мгновение, и там, в полумраке чёрная тень развернула два огромных кожистых крыла гигантской летучей мыши.

– Привет, Икар! – услышала она голос Адама. – Я тоже рад тебя видеть! И я друзей привёл.

Ворона услышала леденящее кровь то ли чириканье, то ли хриплое урчание.

Но она отдала бы всё, лишь бы его не слышать! Такие звуки издавало только одно чудовище. Гроза Мёртвого Города. Крылатый вампир, владыка мёртвого неба. Тварь, которую боялись даже лютоволки и котопарды.

– Иди, не бойся, Икар не тронет. – Адам бережно взял её за руку.

– Ты с ума сошёл!

– Лютоволки-то тебя не тронули!

– Так то лютоволки!

– А чем крыланы от них отличаются?

– Тем что эти твари в разы агрессивнее и хитрее!

– Да брось! Если бы Икар хотел, он бы раз двадцать нас убил. Иди, дай ему привыкнуть к твоему и Ракетинуму запаху. Не трусь!

– Я к этой зверюге не подойду!

– А со мной?

Ворона посмотрела на Адама. Тот улыбался как счастливый мальчишка. И, действительно, от его улыбки стало спокойнее. Да и, в конце-концов, если уж безумствовать, то до конца!

Девушка осторожно пошла к чудовищу.

Вампир сложил крылья и тёр лапами-крыльями голову, как будто умывался. Время от времени, он прятал слегка вытянутую морду под крылом, чистя шерсть. Большие заострённые уши двигались из стороны в сторону. Когтистые сильные лапы, напоминающие человеческие руки с длинными когтями и развитой мускулатурой, цеплялись за перекладину. Да, и тварь висела вниз головой, как настоящая летучая мышь.

Когда Адам, Ворона и Ракета подошли к нему, чудовище раскрыло крылья, замерло.

У Вороны всё похолодело внутри, когда взгляд красных, как угольки, глаз остановился на ней. Морда зверя напоминала лицо человека, только, будто бы сточенного до костей жестокой лихорадкой, и было слегка вытянуто и изящно сужено. Лишённый губ рот являл взору ряд острых зубов с ярко выраженными верхними клыками, и, чуть более короткими, нижними. Голову, лицо, подобно бакенбардам, нижнюю челюсть, и всё тело зверя покрывала густая короткая шерсть чёрного цвета, под которой бугрились крепкие

мускулы. Зверь выглядел сухопарым и тощим, но в его силе Ворона убедилась давно.

Но этот...этот не выглядел сейчас страшным. Просто огромная летучая мышь с человеческими чертами. И мурлыкает...повизгивает, как Ракета, когда радуется. Или доволен.

Из упрямства и в протест самой себе, Ворона протянула руку к чудовищу. Зверь дёрнул головой. Раскрыл пасть. Ах, это он зевнул! Ну-ка, какова шерсть на ощупь! Тонкие пальцы Вороны коснулись мягкой густой шерсти...

– Как бархатный, – улыбнулась она. Ворона почесала зверя под челюстью. Тот мотнул головой, заурчал, замурлыкал.

Похоже, впечатлений на сегодня больше, чем достаточно.

Когда Ворона вышла из бункера, она улыбнулась, и вдохнула воздух полной грудью.

Если всё, что она видела сегодня, это, всё-таки сон, то она не хотела, чтобы он кончался. Ей не хотелось покидать этот мир, где можно спокойно жить, радоваться каждому дню. И где мир не умирает, а просто болеет, и он сможет выздороветь.

Адам сидел рядом, гладил Ракету.

– Завтра с тобой на разведку пойдём, – сказал Адам. – Моя очередь завтра дежурить. Пойдёшь со мной?

Ворона лишь кивнула.

Адам, вдруг, поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то.

– О! Наши возвращаются!

Он вскочил на ноги, поднял руки и взмахнул три раза, крикнув:

– Фёдор Владимирович! Сенька! Привет!

То, что увидела Ворона поразило её до глубины души. Из дымки, выехало два всадника! Верховом! На лютоволках! Всадники были облачены в армейский камуфляж, поверх которого были надеты бронежилеты с подсумками. За спинами – вместительные рюкзаки. Несколько внушительных вещь-мешков висели на спинах зверей, верхом на которых они ехали. Оба вооружены автоматами.

– Привет, Адамка! – поздоровался старший, – Здравствуйте, девушка!

– Здравствуйте, – выдавила из себя Ворона.

– Как, познакомились с нашей живностью? – Фёдор Владимирович похлопал лютоволка по шее.

– Угу...

Лютоволк почесался задней лапой за ухом. Зевнул, обнажив клыки и высунув язык.

– Фёдор Владимирович, а где Мишка с Лёшкой? С ними всё хорошо? – поинтересовался Адам.

– А Мишка с Лёшкой вперёд нас ушли. Потому что не одни они.

– Как так?

– Девчонку мы в лесу нашли, – ответил Фёдор Владимирович. – Неладное с ней приключилось. Похоже, что она из

людей Пастыря. Только, чего она в лесу, голодная-холодная делает, мы так и не поняли. И добиться от неё ничего не удалось. Она даже лютоволков не испугалась – вцепилась в нас и так и рыдает, умоляет спасти. Я спрашиваю, мол, домой тебя отвезти? А она так и затрясла головой, мол, нет, сама насилу сбежала. Сказала ещё, что дома убьют её. Ну а мы чего? Мы дальше за припасами пошли, а Мишку с Лёшкой я к Егор Матвейчу отправил. С девчонкой. Кстати, Адамка, твоя помощь может понадобиться. Девчонка бежала, в чём мать родила. И колотило её знатно. Похоже, жар у неё. Или ещё что похуже. Тут только вы с Егор Матвейчем помочь можете.

– Ого! – на лице Адама отразилось искреннее сострадание и озабоченность. – Фёдор Владимирович, тогда, подвезёте нас?

– А как же! Садись ко мне, а подруга твоя пусть к Сеньке моему сядет.

Адам и Семён помогли Вороне забраться на спину лютоволка. Ракета пристроился за Вороной, вцепившись в неё коготками, как увесистый рюкзачок.

– Держись там, – сказал ей Сенька.

Адам же резво запрыгнул на спину лютоволка, за старшим солдатом.

– Поехали.

Ворона обхватила парня. Щеки коснулась грубая материя рюкзака.

Звери побежали лёгкой рысцой. Ветер засвистел в ушах.

У Вороны в груди заворчалось нехорошее предчувствие.

На столе уютно горела керосиновая лампа, распространяя вокруг мягкий оранжевый отсвет. За окном чернела ночь. Глухо пыхтел самовар. Ворона, надвинув рукава свитера на ладони, потягивала травяной чай из металлической кружки. Тётя Аня, с которой она жила, раздобыла даже малинового варенья, и две женщины теперь спокойно и уютно беседовали.

Ворона рассказала о себе, о Мёртвом Городе, о Сан Петровиче и о Ракете. Тот сидел рядом, у стола, и лакомился жареными грибами из мисочки.

Тётя Аня, в свою очередь, рассказала о том, как постепенно налаживали быт в поселении. О том, кто, чем занимается. Жили здесь люди большой общиной-коммуной. У каждого было своё дело, а то и несколько. Мужчин здоровых здесь было немного. Но, среди них были и бывшие военные, ветераны, и понемногу подрастала молодёжь. Старшие учили их всему, что знали сами, постепенно приучали к взрослому труду. Кроме всего прочего, в поселении была и библиотека, которую собирали целенаправленно и понемногу. За культуру и образование молодых здесь отвечали местные батюшка с матушкой. А помогали им бывшие научные сотрудники, или учителя. Образование и знание в поселении считались высшей ценностью, потому что, со слов Егор Матвейча, без

знания и без чувства прекрасного человек постепенно превращается в животное. В поддержании знания и поисках того, что от него сохранилось, люди поселения видели надежду. Надежду на будущее возрождение человечества. Да, как оказалось, здесь все и каждый верили в то, что мир не умер и не умирает. Что все еще может быть намного лучше, чем есть, и людям больше не придется ютиться по углам и вздрагивать от каждого шороха. Помогала сохранить эту надежду и вера. Причем, в вопросе веры никто здесь никого не неволил. Каждый верил, в то, что соответствовало его, или её духу, но у бабушки, в церкви, каждый, кто нуждался, мог найти и утешение, и источник сил продолжать жить, творить и надеяться. Даже тогда, когда все остальные "светильники погаснут". Сама Ворона была как Сан Петрович. Не верила, но спокойно, и даже с уважением относилась к тем людям, чья вера была искренней и крепкой. И тётя Аня и не пыталась ее переубедить.

В сенях послышался шум.

Ворона взяла со стола свой ТТ – так, на всякий случай, – последовала за тётей Аней, посмотреть, что там.

В дверях показался Адам, а на руках у него лежала укутанная в плотное одеяло хрупкая девушка с длинными рыжими волосами. Ворона успела отметить, что несмотря на ее болезненную худобу и темные круги под закрытыми глазами, она была хорошенькой.

– Теть Ань, – устало проговорил Адам. – Примете? Про-

стите уж, что так вас напрягаем. Но, только вы и остаётесь...

– Да конечно, миленький, неси...откуда ж она такая? А бледненькая какая!

– Худо ей, тетя Ань, – Адам внес девушку в дом и зашагал к комнате в дальнем конце.

Тетя Аня помогла Адаму уложить девушку в кровать и заботливо укрыла ее одеялом.

Ворона же заметила, что куда-то делась обычная живость ее нового друга, как он сам побледнел, и будто бы...растаял...как свечной воск.

На вопрос, что с ним, Адам лишь грустно усмехнулся, совсем по-взрослому, не похоже на него:

– Так, ведь, ничего просто так в нашем мире не бывает! Если что-то берешь, значит, должен что-то и отдать!

– И так всегда с тобой? – осторожно поинтересовалась девушка. – Когда лечишь кого-то?

Адам лишь устало кивнул и тяжело опустился на табурет за столом.

– Анечка? – крикнула тётя Аня, – Будь другом, покорми Адамку! Там еще супчик грибной остался!

Ворона с готовностью поднялась, подошла к плитке и налила Адаму целую миску. Краем свитера протёрла и вручила ему ложку.

Адам благодарно кивнул. Но есть не стал. Он лишь меланхолично помешивал наваристый ароматный суп.

– Судя по твоей бледности, поесть тебе не повредит, –

осторожно наемкнула Ворона.

Адам грустно и с благодарностью за заботу улыбнулся, зачерпнул варево, подул, и отправил ложку в рот.

– Так тяжело было? – спросила Ворона, подперев щеку кулаком.

Адам устало кивнул.

– Жар у нее сильный. Да и ран много. Не говоря уже о том, что у неё в душе творится... Да и папа встревожился. Не рад он, что от Пастыря она.

– Почему? – Ворона, вдруг, почувствовала, как в груди заворчалось что-то странное, темное, холодное и неестественно тяжелое. Что-то, что напоминало смутную неприязнь к незнакомке, смешанную с чувством вины и состраданием. Такое можно почувствовать по отношению к слабому и незащитному существу, бросить которое не можешь, но, которое, при этом становится как камень утопленника на шею. Вороне стало неприятно и стыдно за эти мысли.

Ворона не могла отделаться от мысли, что рыжая девчонка ещё накликает на них беду. И эта мысль тревожила душу и злила. И Адам ответил, подтверждая мысли:

– Папа говорит, что зря мы её приютили, потому что Пастырь ещё искать её будет... Но и бросить её мы не можем, потому что...

Адам не договорил, лишь задумчиво проглотил последнюю ложку похлебки.

– Вот, что, Аня, – сказал он серьёзно, – похоже, завтра

мне не дежурить придётся, а в лес идти. Ты пойдёшь? Если тяжело – не ходи, я сколько раз один ходил!

– А что там, в лесу?

– Икар, к северу от нашего селения городок заприметил. Вроде, ещё не тронутый. Там медикаменты должны быть. Что-нибудь от жара. Мы с папой сделали, что смогли, но... моих сил просто не хватает. Мне надо восстановиться, а она...она может просто не протянуть.

– Я с тобой, – с готовностью откликнулась Ворона, хотя и почувствовала, что в душе поселилась странная ледяная тяжесть.

Адам улыбнулся:

– Спасибо. Вдвоем веселее!

Ворона улыбнулась в ответ. Интересно, а как она улыбается?

Почему-то, вдруг, ей отчаянно захотелось, чтобы Адам улыбался только ей. И почему-то, вдруг, сильно разозлилась на Адама за то, что он этого не понимает, или, даже, скорее всего, не хочет понять.

– Значит, нам всем лучше выспаться, похоже, идти далеко, – холоднее, чем хотелось, проговорила она.

– Да, – улыбка Адама растаяла. – До завтра!

6

Над головой нависали тяжёлые серые облака, сквозь которые лились лучи бледного солнца. Дул холодный, пронизывающий ветер, который путался в колючих кронах низкорослых деревьев. Тёмно-зелёный мох, ошмётками свисал с кривых ветвей и колыхался под порывами заплутавшего среди деревьев ветра. Кое-где, солнце высвечивало широкие колеи, заполненные сверкающей водой. По её поверхности шла лёгкая рябь. Где-то далеко, за завесой лёгкой дымки, можно было различить остовы каких-то строений, или даже ржавую военную технику. Остовы машин, что попадались им на пути, оплетал колючий выюн и облюбовал мох, свисающий с дул орудий, будто рванина. Справа и слева торчали перекошенные чёрные от влаги и гнили столбы с перекладинами на вершинах. Сан Петрович говорил, что по этим столбам бежали электрические провода, по которым, в города и деревни текла энергия.

Унылый пейзаж как нельзя кстати подходил к тяжёлому, сумрачному настроению Вороны. А мерное покачивание в седле на спине лютоволка ещё больше вгоняло в унылое оцепенение. Прямо перед ней сидел Ракета. Он то и дело заглядывал ей в глаза чёрными бусинками своих умных и глубоких глаз, будто одновременно и сочувствовал, и осуждал. После очередного молчаливого диалога, Ракета отвёл взгляд,

снова уставившись в затянутую дымкой даль. “Глупая ты”, – будто бы говорил он, – “Совсем ещё детёныш!”

И Ворона склонна была с ним согласиться. Ей было неловко, стыдно, и она очень злилась на себя за это.

Украдкой, она поглядывала на едущего рядом Адама, и под сердцем начинало тягуче и противно ныть.

И чего она на него взъелась? Почти наорала на него утром. Так, что весь путь до заброшки, замеченной Икаром, они молчали. Ворона, кстати, иногда слышала хлопанье крыльев и хриплый клёкот испод облаков. Икар и ещё пара его сородичей прикрывали небо над ними. Но ей уже было всё равно. Словно пощёчина её обожгло изменившееся лицо Адама, угаснувшая улыбка. И, глаза... будто бы наполнившиеся слезами. Нет, он не обиделся. Точнее, обиделся, но не со злостью. Он, скорее, теперь, напоминал ребёнка, которого выпороли низачто и пригрозили выгнать из дома. Поэтому он предпочёл сделать так, чтобы быть как можно менее заметным, и как можно более удобным.

И Ворона чувствовала себя от этого препаршиво!

Лучше бы он рявкнул на неё в ответ как следует. Ведь он даже сильнее, чем она! Не говоря уже о телепатических способностях... Но у него хватило благородства этим не воспользоваться, хотя с такими силами он запросто мог приструнить её как нашкодившую псину. А она и правда повела себя с ним как агрессивная безмозглая сучка! И из-за чего? Сама-то она понимала? Нет, не понимала. И теперь ей и от-

чаянно хотелось подъехать к нему ближе, попросить прощения, сказать, что не знает, что на неё нашло и почему... он бы понял! Но треклятая гордость и тот же поганый стыд не позволяли этого сделать. И она злилась и на себя, и на него, что, умея читать мысли и чувства, он не предпринимает никаких шагов.

А, вот, Ракета, похоже, всё прекрасно понимал. И знал, почему Ворона так окрысилась.

Потому что, как оказалось, она хотела, чтобы Адам улыбался только ей. И заботился бы только о ней. И принадлежал только ей. И её пугало, что все эти улыбки, всё это жизнерадостное, светлое настроение, которое выволокло её из её железной скорлупы, предназначены всем и каждому! Её пугало, что она ему не нужна...

А даже если и так! Почему этот вольный ребёнок, это живое пламя, которое возвращает к жизни и согревает всех и каждого, должно принадлежать только ей? Он ясно сказал, он здесь, чтобы помогать. Можно относиться к его словам по-разному, но именно он помогает лечить людей. Именно он сделал так, чтобы чудовища, искажённые Апокалипсисом, и люди мирно сосуществовали и помогали друг другу, как когда-то одомашненные животные помогали человеку в хозяйстве. Именно благодаря ему таяли радиация и яды, а Поселение окутывала непроницаемая защитная завеса, создающая мир, в котором жива надежда, что всё может измениться к лучшему, и в будущем тебя ждёт нечто большее,

чем медленная и мучительная смерть, наступление которой ты всеми силами оттягиваешь.

Ведь, если бы в мире было больше таких как Адам, этих Новых Людей, может, у человечества появился бы второй шанс?

– Наверное, я тебя очень обидел, – тихо сказал Адам, будто бы слышал её мысли. – Это тебе...

Ворона подняла глаза. Парень смущённо улыбался и протягивал ей три ярко алых цветка, внутри которых как будто бы горел огонь, с длинными лепестками и золотой сердцевинкой. Очень красивые и со странным ароматом, который дразнил чувства и рождал что-то похожее на эйфорию.

– Это кровецвет, – пояснил Адам. – Растёт на выюнах. Он такой яркий, чтобы приманивать шершней и ос. Мне удалось сорвать три штучки там, у цистерн. Для тебя.

Ворона готова была провалиться сквозь землю. Сердце готово было проломить грудную клетку. Щёки так и вспыхнули.

– Спасибо, – она приняла цветы. – Какие красивые! А, ведь, это же я тебя обидела! И я должна просить у тебя прощения. Повела себя как бешеная сука...

– Никогда так про себя не говори! – сурово оборвал её Адам. – Я всё знаю...

Теперь он покраснел и сглотнул.

– Я даже папе ничего не рассказывал, – сказал он. Ворона заметила, как он нервно перебирает пальцами шерсть лю-

товолка, сжимает и разжимает кулаки. Нервничает. – Я не знаю, что это...но... я не знаю, как сказать... Мне очень радостно, когда ты рядом. И мне хочется, чтобы ты никуда не уходила... Мне хочется...чтобы ты всегда была рядом...мне лучше всего с тобой... Нет, я очень люблю всех...и папу, и всех, но...

У Вороны голова пошла кругом. Так! Что делать?! Что сказать?! Почему в башку словно вату набили, а язык будто отсох?!

– Аня, ты очень красивая...

Едва слышно проговорил он. И добавил:

– И я бы хотел, чтобы ты всегда была рядом...

Ворона проглотила подкативший к горлу ком. Было и очень тяжело, тесно в груди, и, одновременно, так радостно, что, как будто бы и мир вокруг посветлел.

Про себя она подумала:

“Интересно, кем мне теперь ему быть, невестой, сестрой, или мамой?”

И тут же похолодела. Эту мысль он точно услышал!

Адам вскинул голову, встретился с ней глазами. И залиvisto захохотал.

Смеялся он так заразительно, что засмеялась и Ворона.

Когда они доехали до Поселения, и отпустили лютоволков, Адам внимательно посмотрел на Ворону, и сказал:

– Аня, я не шутил.

Он несмело поднял руку и, будто стесняясь неосторож-

ным движением как-то повредить ей, осторожно коснулся прядки её светлых волос, выбивающихся из короткой косы, ниспадающей ей на плечо.

Ворона бережно взяла его руку в ладони, посмотрела ему в глаза и улыбнулась так нежно, как только могла:

– Я знаю.

То, что дома неладно они поняли почти сразу.

У дома Егора Матвеевича собралась толпа селян. Они плотным кольцом окружали крыльцо. Старики, женщины, маленькие дети. Перед ними, прикрывая их собой, стояли немногочисленные вооружённые мужчины.

Ворона и Адам протиснулись к редкому “оцеплению” и, наконец, смогли рассмотреть, что происходит.

Егор Матвеевич стоял перед группой из пяти вооружённых до зубов человек. Все они были в защитных костюмах и бронежилетах с подсумками. А, видимо, старший из них, был облачён в подобие экзоскелета, обшитого листами брони, точь-в-точь, как рыцарские латы. Все они были вооружены автоматами. А старший – ручным пулемётом. Ворона не могла рассмотреть его лица из-за стального воротника, даже при всём при том, что забрало его шлема было откинута. У его подчинённых, – обветренные, худые и злые лица с растрескавшимися губами.

Люди Пастыря? Но что им тут надо?

– Я повторяю, – спокойно, звеня металлом в голосе, сказал Егор Матвеевич, нисколько не смущаясь перед вооружёнными

ми до зубов людьми, – никакой ведьмы у нас нет.

– Кончай гнать, старик, – грубо ответил “рыцарь”, – Пудри мозги кому хочешь, но не мне. Я знаю, что она здесь. Ведьма должна быть уничтожена – приказ Пастыря.

– Здесь командует не он. И ведьмы у нас нет.

– Ты не понял, уважаемый? Кончай дуричь, и гони девушку по-хорошему. Тварь прокляла Пастыря и нас всех. Она должна сдохнуть, чтобы проклятие пало. Не отдашь добром, – он погладил пулемёт, – заберём силой, и твоё грозное войско из полутора землекопов тебе не поможет.

– Так, может, потрудитесь объяснить, в чём дело?

– Не перед тобой мне отчитываться!

Ворона инстинктивно потянулась к “Калашу”, скрипнув от ярости зубами.

Адам мягко положил ей руку на плечо – не лезь, мол, – а сам крикнул, выходя навстречу незванным гостям:

– Слышь, Крысобой, ты старшим-то не груби!

Люди Пастыря обернулись на его голос. Ворона увидела в глазах автоматчиков нескрываемое презрение. Но, что-то в них было и ещё...неужели, страх?

– Ого, кто тут у нас? Недочеловек, недомутант? Аномалия, ошибка природы? – презрительно бросил один из автоматчиков.

Адам не удостоил его ответа. Лишь посмотрел на него. Тот замолчал. Изменился в лице, и попятился.

– Эй! Колдовать решил, урод?!

Автоматчики вскинули оружие. Лязгнули затворы.

Ворона не выдержала, шагнула вперёд, оттолкнув худого подростка, перехватила автомат и так же передёрнула затвор. Вот, только троньте его, скоты!

Адам не шелохнулся. Лишь обвёл автоматчиков взглядом. И взрослые, здоровые мужики, как-то странно сникли и потупились, словно провинившиеся дети.

Затем, он посмотрел на “рыцаря”:

– О девочке сбежавшей беспокоишься, – его голос звучал странно, будто бы шёл откуда-то из глубины, проникал в самое сердце, пронзал душу. – А о своей Ягодке не подумал? То, что она сорванец похлеще мальчишки! Снова сбежала от бабушки, да и заплутала в лесу! Но не спеши хоронить живую, Крысобой! Жива твоя дочка! Если пойдёшь логом, то там её и подберёшь. Поторопись только, пока мантикоры, или шершни до неё не добрались! Ступай!

“Рыцарь” огляделся. Вид у него был явно встревоженный и озадаченный.

– Да брешет урод! – процедил сквозь зубы один из автоматчиков. Но не очень уверенно.

Судя по выражению лиц Крысобоя и остальных, Адам попал в самое яблочко.

– Заткнись, Сокол! – автоматчик с пониманием посмотрел на “рыцаря”. – Так чего, старшой?! Идём?

– С тобой мы, – ответил другой.

Остальные неуверенно, но одобрительно зашептались.

– За мной! – хрипло проговорил “рыцарь”. И бросил, через плечо: – Повезло тебе на этот раз, Матвейч. Сына благодари.

Когда автоматчики скрылись в дымке, Адам, вдруг, ссутулился, осел на землю, обхватив голову.

– Адамка! – Ворона подбежала к нему первая. Бережно взяла его за подбородок. Из носа парня хлестала кровь. Но больше её потрясли глаза – потухший, полный страдания взгляд. Особенно страшно выглядели белки – красные от взбухших сосудов.

– Давай, сынок, пошли домой, отдохнёшь, – Егор Матвеевич бережно поднял парня на ноги.

– Аня... – одними губами пролепетал Адам.

– Никуда я от тебя не уйду, я обещала!

Ворона вопросительно и с отчаянной мольбой посмотрела на Егора Матвеевича.

Тот, не раздумывая, кивнул.

Из высокого здания храма доносилось стройное пение. Высокие женские голоса сплетались с мужскими. Временами, они затихали, и тогда было слышно, как нараспев что-то говорит священник. В каких-то местах его напевная речь переходила в пение, сплетающееся со вступавшим хором, его плавными переливами, иногда медленными, размеренными, будто восход солнца, а иногда, быстрыми, словно ручей.

Ворона почти не слышала слов, не понимала их. Но сама мелодия, которой следовал хор, переплетение голосов, всё это рождало в душе странное ощущение уюта и... спокойствия.

Когда-то давно, у неё и Сан Петровича зашёл разговор о старых временах, который плавно перетёк в разговоры о жизни и... о Боге. Сан Петрович говорил, что ему теперь трудно назвать себя верующим человеком. Говорил, что когда-то верил, но после Великой Скорби... После того, что он навиделся, что он перечувствовал, ему уже было трудно верить. Потому что он искренне не понимал, как Всеблагой и Всемилосердный Создатель мог допустить, чтобы люди обезумели настолько. Чтобы сжигали в прах целые города и страны. Чтобы гибли, горели заживо, корчились в муках и умирали миллионы людей... невинные дети...

Нет, говорил он, что-то в этом мире пошло совсем не так,

что-то исказилось, разболталось. Всё, во что он верил, оказалось лишь сплошной выдумкой и сказкой, чтобы хоть как-то прикрыться от неприглядной реальности, и того зверья, что до поры, ждало и лишь щерилось истекающими голодной слюной клыками из самых тёмных глубин человеческих душ. Великая Скорбь сорвала покров человечности и цивилизованности с этих зверей, а они, почуяв кровь и смерть, совсем обезумели. И не остановились пока не сожрали сами себя. Это их чудовищный голод породил Последнюю Войну, уничтожившую их же собственных родителей и носителей.

Ворона помнила как менялось лицо, как начинал дрожать голос её сурового и всегда уверенного в себе отчима. Казалось, что, ещё немного, и этот кряжистый, могучий человек, ссутулится под бременем увиденного и перечувствованного, переломится, заплачет, как малое дитя, бессильное что-либо изменить. Потому что, тогда Вороне тоже очень хотелось плакать. Но ни у неё, ни у него слёз больше не осталось. Всё. Высохли. Выжгло их. Тогда, она подходила к отчиму и обнимала, клала голову на могучее плечо, будто хоть как-то желая укрыть, согреть, показать, что он не один. А отчим укрывал своей широкой, грубой ладонью её маленькую девчачью ладошку.

Но, несмотря на это, Вороне всегда казалось, что не может всё закончиться вот так! Прав был Адамка, скovyрнувший скорлупу цинизма и озлобленности... Не для этого человек карабкался вверх, к свету знания и процветания, сквозь тер-

нии к вершинам, не для этого создавал произведения искусства, самоотверженно трудился, чтобы потом, вот так, перечеркнуть всё в порыве сумасшествия из-за жажды власти, жажды быть всегда единственно правым, жажды богатства...

И, вот, похоже, что она вполне могла оказаться правой. Точнее, ей хотелось так думать. А уж после встречи с Адамкой, с людьми этого странного и удивительного Поселения, будто бы выпавшего из чудовищно-привычного изуродованного мира, с людьми живущими тут, живущими по принципу взаимопонимания, взаимовыручки, сопереживания, труда на общее благо в едином коллективе, она всё больше укреплялась в своей правоте. Адам был прав тогда...

Единственное, что после случая с людьми Пастыря, в её сердце закрался склизкий, холодный червячок тревоги. Сан Петрович всегда учил её не поддаваться ложным надеждам, чтобы лишний раз не раниться об их осколки. Ворона пыталась отбросить детские иллюзии и подумать, могло ли это утопическое миниатюрное сообщество выстоять посреди выжженных ядерных пустошей, отравленной природы, мутировавших лесов и городов-призраков? В мире, разрушенном до основания? Эдакий райский оазис посреди адских пустынь? Уж самой себе-то врать не стоит, хотя, этого всегда очень хочется. Рано или поздно, этот крохотный, хрупкий островок был бы смыт волнами чудовищ, или других людей, озлобленных бедами и лишениями. И появление людей Пастыря, похоже, было началом конца.

А, в глубине души, продолжал упрямо тлеть уголёк почти угасшей надежды.

И колоколом в ушах отдавались слова Адама:

– Я – Сын Земли. Я здесь, чтобы помочь. Мир не умер... просто, он очень болеет...

Тем временем, пение стихло. Ещё мгновение, и из Храма начали выходить люди. Ворона провожала людей взглядами. Те, кто встречался с ней глазами, улыбались ей, а она улыбалась в ответ.

– Почему не зашла? Раз ты тут...

Ворона оглянулась. Рядом присел Егор Матвеевич. Глаза лучились теплом. На губах под усами, играла лёгкая улыбка.

Ворона пожала плечами:

– Да как-то неудобно было.

– Да чего "неудобно", встала бы в притворе, если не хотела лишний раз к себе внимания привлекать.

– Мне кажется, это было бы лицемерием с моей стороны. Я так не хочу... Возможно, когда-нибудь...

Егор Матвеевич понимающе кивнул.

– Ну, раз так, то и нечего себя неволить... Потом сама разберёшься.

Они помолчали. Ворона не знала, что отвечать. Просто, сама не знала, что она чувствовала.

– Ты, ведь, меня искала? – продолжал Егор Матвеевич. – Что тебя беспокоит? Те люди, что приходили?

Ворона кивнула:

– И они вернутся, – мрачно проговорила она.

– Знаю, – в тон ей ответил начальник Поселения. – И уже принял меры.

– Вы думаете всё, что Вы сделали...этого хватит? – Ворона поняла, что выразилась грубее, чем хотела, и тут же поправилась: – Поймите, Егор Матвеевич, я не сомневаюсь в Вас и Вашем авторитете, просто...мне...

– Страшно? – подсказал мужчина.

Ворона на мгновение замаялась, и, затем, честно утвердительно кивнула.

– Ваше Поселение стало для меня домом, – призналась она. – И я не хочу его потерять.

Егор Матвеевич задумчиво замолчал. Затем, встал и сказал:

– Чаю хочешь?

Ворона удивлённо посмотрела на него, на автомате кивнула.

– Тогда, пойдём со мной.

По дороге он спросил про Адама.

– Спит он, – Ворона усмехнулась. – В обнимку с Ракетой. Ракета умеет усыплять. Особенно, когда "моторчик" свой включит. Я так быстро под его мурлыканье засыпала.

– Да, зверики его любят, – по-отцовски улыбнулся Егор Матвеевич. – Да и он их тоже. Именно он нас и научил, что с "чудовищами" можно договориться и даже сосуществовать с ними. Как когда-то давно люди приручили волков, диких

котов, быков и коней, так и мы сейчас.

– Откуда он такой взялся? – невольно улыбнулась Ворона.

– А кто его знает? – пожал плечами начальник. – Я лет на десять моложе был, когда ещё сам в разведку ходил, и нашёл его в лесу. Удивился ещё тогда. Удивился, откуда мальчишка в такой глуши. В чем мать родила, в волосах ветки да мох. Помню, как посмотрел он на меня, так у меня все в груди перевернулось. И плевать мне стало, как он выжил здесь в лесу, откуда он, да что он. Решил я, что теперь он будет мой. И воспитаю я его как своего. Тем более, что во время Великой Скорби у меня жена и двое сыновей погибли.

Он помолчал, а потом добавил:

– Спустя какое-то время, я узнал, что он радиацию рассеивает, одним прикосновением заразу устраняет. Лечить может. Мысли читает и может на расстоянии предметы перемещать. Помню, как у меня челюсть отвисла, когда я увидел, как в его руках зазеленел и расцвел мертвый цветок. А как он потом мутантов приручал, меня уже не удивляло. Не простой это человек, Аня. Да, может, и не человек вовсе. Но то, что он – единственная надежда человечества на выживание, это совершенно точно.

– Сам он себя считает человеком, – заметила Ворона. – Так ли он неправ?

– Да тут и спорить никто не будет! – согласился Егор Матвеевич. – В чём-то он даже больше человек, чем мы все вместе взятые. Помню, пробовал у него спросить, кто он и откуда.

да, он улыбнулся и сказал, я здесь, чтобы помочь. И, знаешь, поверил я ему.

"И я тоже", – подумала про себя Ворона.

– Знаешь, многие говорят, что причиной Великой Скорби стало то, что люди обособились, ударившись кто в религию, кто в иные высокие идеи ослепли, оглохли. Каждый себя считал Избранным Народом, а на других смотрел как на досадное препятствие к прогрессу и процветанию. Однако, это не так. Я считаю, что, напротив, Великая Скорбь случилась именно потому, что люди забыли о чём-то более высоком, чем просто прибыль и сверхприбыль, из-за того, что утратили связь с самими собой, подменили вечные истины чем-то другим, непонятным, странным, а то и чудовищным. Связано ли это с несовершенством самого человека? Возможно. Значит ли это, что это несовершенство нельзя преодолеть? Тоже возможно. Но это не значит, что мы должны идти на поводу у своей тёмной стороны и потакать ей. Время от времени нужно напоминать самому себе о том, кто в доме хозяин. После встречи с... да, теперь я могу называть его сыном, я понял, что еще не все потеряно. Что человечество не брошено и не оставлено на произвол судьбы. И мне кажется, что такие как Адам посланы нам не просто для того, чтобы помочь нам. А ещё, для того, чтобы показать нам, кем мы можем быть, к чему стоит стремиться. Это всем нам даёт и надежду, и силы, чтобы жить дальше и мечтать о завтрашнем дне.

– Считаете, что он не один такой, – поинтересовалась Ворона.

– Надеюсь, что нет.

Некоторое время они шли в молчании.

Затем только, Ворона решилась спросить:

– Как думаете, когда придут люди Пастыря?

Егор Матвеевич слегка склонил набок голову.

– Возможно уже сегодня ночью. А, может, пока не посмеют. Они знают про Адамку. Ненавидят его лютой ненавистью, и при этом, боятся. Для них он просто опасная разновидность мутантов, от которых надо избавляться. В любом случае, дозоры я усилил.

– А не может он воздействовать на их сознание так, чтобы помочь им разобраться, что к чему? – поинтересовалась Ворона.

– Адам говорит, что в них очень много страха и злости, – ответил Егор Матвеевич. – Их сознанием владеет Пастырь. Когда-то он помог этим людям выжить. Дал смысл жизни, вдохнул волю к борьбе за выживание. Он объявил себя живым богом, а люди ему поверили. Ведь он спас их. Он помог им, когда они больше всего в этом нуждались. Конечно, они верят больше ему, чем кому-либо ещё.

– Но лечиться-то они ходят к вам? И продуктами вы с ними обмениваетесь.

– Для них это вынужденная мера. Если бы Пастырь мог, он бы давно от нас избавился. И, похоже, что это лишь во-

прос времени.

Ворона понимающе кивнула.

Тем временем, они уже дошли до дома Егора Матвеевича.

– Заходи, располагайся. А я сейчас самовар поставлю.

8

Сквозь переплетения ветвей, густую летнюю листву, лился золотой солнечный свет. Его прикосновения были теплыми и приятными. Легкий прохладный ветерок приятно касался кожи обнаженного тела, ласкал лицо, легонько трепал распущенные волосы. Ворона даже не удивилась тому, что на ней не то, что защитного костюма, а вообще никакой одежды нет. Мягкая зеленая трава ласкает голые ступни. Во всем теле ощущалась легкость и воздушность. Ощущение покоя и тихого счастья окутывало теплым покрывалом и, казалось в мгновении застыла блаженная вечность. Остановилось время. Выжженный Великой Скорбью мир казался не более чем кошмаром, от которого она пробудилась, и теперь, летний ветер, обласканный солнцем, уносит прочь его тающие обрывки.

Ее ждали.

Издаലെка тянуло прохладой лесной заводи.

Ворона вышла на берег спокойного лесного озера.

Там, по пояс в воде, так же обнаженный, стоял Адам.

Он нежно улыбнулся ей. И это улыбка была улыбкой любящего и желающего ее мужчины. Он протянул к ней руки, приглашая в объятия.

Ворона, сама не своя, шагнула к нему навстречу. Прохладная вода обхватила ноги, приняла ее.

Миг, и их руки соприкоснулись. Адам бережно и ласково провел пальцами по светлым волосам Вороны, коснулся щеки. Настойчиво и нежно привлек ее к себе и страстно поцеловал в губы. Ворону била крупная дрожь, эмоции захлестывали...и она проснулась.

В окно лился серебристый лунный свет, отбрасывая на пол вытянутую тень оконной рамы.

Сердце выпрыгивало из груди.

Рядом недовольно заворчал Ракета и вновь мерно засопел, свернувшись большим мохнатым комком, прикрыв мордочку пушистым хвостом.

Ничего себе, сны!

Ворона хотела было снова лечь, но, вдруг, Ракета встрепенулся, приподнял голову, наострив уши.

Не к добру.

Насторожилась и Ворона. Бесшумно она выскользнула из кровати, натянула штаны, сунула ноги в сапоги, затянула шнуровку и пристегнула кобуру с пистолетом.

Не прошло и мгновения, как откуда-то издалека донеслись крики, стрекот автоматов. А затем мерный, тягучий звон колокола. Тревога!

Тишину ночи вспороло зарево пожара. Раздался истошный женский крик.

За окном мелькнула тень.

Звон разбитого стекла, и по полу расплзлась лужа огня.

Ворона и Ракета выскочили в сени.

Там уже была перепуганная тетя Аня.

– Что случилось? Горим?!

Ворона схватила женщину за руку, хотела вывести ее на улицу, но не успела.

В избу ворвался человек в лёгкой броне. В руках блеснул автомат с окровавленным штыком.

Ворона среагировала мгновенно: оттолкнула тетю Аню и выстрелила в противника несколько раз. Звякнули упавшие на пол гильзы.

Враг рухнул, вскинув руки. Ворона подбежала к телу, схватила автомат. В рожке оставалось еще около десяти патронов. При нем были и запасные рожки.

Ворона подбежала к тете Ане и, подняв ее на ноги, повела за собой.

Поселение горело. В огне и дыму метались люди. В отблесках пламени сверкали листы брони, нашитые на подобие экзоскелетов. Люди Пастыря. Как только прорваться смогли?! И почему дозорные не предупредили?!

На ее глазах один из людей Пастыря срезал автоматной очередью старика, пытавшегося убежать от него.

Ворона тотчас же отомстила за убитого метким выстрелом врагу в голову.

– Скорее! Уходим!

Ворона подхватила тетю Аню и потащила подальше от боя.

На улице их встретило еще двое нападающих. Ворона бро-

сила тетю Аню на землю, защищая от выстрелов. Дала очередь. Пули отскочили от брони.

Сука!

Словно в полусне она увидела как враги разворачиваются в ее сторону, готовясь стрелять.

А на ней даже броника нет.

Воздух прочертили трассеры. С одного из нападающих слетела каска, и он мешковато повалился набок. Второго так же срезала очередь.

– Живы? – рядом встал Егор Матвеевич и еще два бойца с автоматами.

– Да, кажется!

– Дуйте живо в церковь – там глубокий подвал. Там и спрячьтесь. Отец Андрей вам поможет!

– Я с вами! Я смогу!

Егор Матвеевич спорить не стал.

– Гришка! Анну Васильевну отведи в церковь!

– Есть!

Не успел Гришка отойти, как навстречу Вороне и Егору Матвеевичу вылетело трое автоматчиков Пастыря.

Ворона среагировала мгновенно: одного уложила выстрелом в лицо, выскользнула с линии обстрела и рухнула на землю за углом дома. Еще одного "снял" Егор Матвеевич.

Ворона вскочила на ноги, оббежала горящий дом. Навстречу ей выскочил еще один автоматчик Пастыря. Ворона отбросила его ударом ноги и добила выстрелом в лицо. Впе-

реди были враги. Ворона насчитала двоих. Один из них повернулся к ней. Выстрел. Ворона оказалась быстрее. Еще выстрел. Проклятие! Она скользнула за дерево. Очередь слупила с него щепки. Ворона вывернулась из укрытия и выстрелила туда, откуда стреляли. Похоже, ей удалось достать противника. Выстрел! Вот идиотка! Не заметила подбирающегося к ней противника! Егор Матвеевич и его боец надежно ее прикрывали.

Перебегая зигзагами, среди горящих домов и деревьев, им навстречу двигался десяток автоматчиков противника.

Ворона, Егор Матвеевич и присоединившиеся к ним пятеро защитников Поселения укрылись за стенами домов по краям дороги. Рядом с Вороной встал парень в ватнике и каске.

Ворона, припав на колено, и ее новый товарищ высунулись, чтобы дать очередь по наступающим, но тут же были вынуждены укрыться за стеной. Их поливали свинцом из ручных пулеметов. Мельком Ворона заметила три фигуры, идущие по дороге в полный рост. Тяжелая пехота войска Пастыря!

– Берегись!

Товарищ успел бросить Ворону на землю, но сам получил пулю – прямо в плечо.

Вскрикнув, он выронил автомат, рухнул на колено.

Автоматчик Пастыря приготовился их добить.

Но тут же был сбит с ног серой тенью.

Глухо рыча, Ракета прижал к земле вопящего человека и перегрыз ему глотку.

Проклятие! Их было слишком мало!

Ворона вскочила на ноги.

Удар выбил воздух из легких.

За долю секунды она увидела блеснувшее дуло автомата, направленное ей в лицо.

Вот и все!

Но тут раздался протяжный раскатистый вой.

В огне мелькнули серые тени.

Огромный лютоволк в прыжке сбил с ног ее противника и оторвал ему голову мощными челюстями.

Ворона услышала приближающийся вопль.

Со смачным скрежетом и хрустом, на землю грохнулся вражеский тяжелый пехотинец, переломав себе кости.

На грани восприятия, в реве пламени и стрекоте автоматов, Ворона услышала хриплый клёкот и хлопанье крыльев в поднебесье. Князь и Икар привели свои стаи на помощь.

– Аня!

Адам спрыгнул со спины мчавшегося мимо лютоволка.

Парень подхватил ее на руки, легко, так, как будто бы и не лежал, едва живой.

– Ты цела? Не ранена?!

– Нет... вот, ему помоги.

Адам кивнул и, поставив Ворону на ноги, бросился к раненому защитнику.

Стрекот беспорядочный пальбы. Вопли людей. Вой люто-волков. Рев пламени.

Мутанты защищают людей, считая их своей стаей и своими детёнышами.

Вороне, вдруг стало, так смешно, и так удивительно хорошо от этой мысли, что она села на колени и тихо, тихо засмеялась...

Нет. Этот оазис нельзя будет так просто уничтожить.

9

Егор Матвеевич стоял перед пленным, нависая над ним, скрестив руки на груди.

Бывший "латник" Пастыря, с окровавленным лицом, сидел перед ним на стуле, со связанными за спиной руками. Его никто не бил. И даже обращались с ним не так грубо, как можно было бы, на взгляд Вороны. Конечно! Дозорных-то они сподобились снять! И никого не пощадили, чтоб некому было людей предупредить!

В дверях появилась тетя Аня с бинтами, ватой и чистой водой.

– Вы за девчонкой приходили?

Пленник молчал. Угрюмо глядел на носки своих сапог.

Длинные темные волосы липли к худому, обветренному лицу с трехдневной щетиной.

Тетя Аня осторожно начала промывать его рану. Молча, деловито и даже без неприязни.

– Что нужно?

Пленник молчал.

– Вам не хватало еды? Медикаментов? Припасов? Почему нельзя было попросить?

Пленник поднял на Егора Матвеевича тяжёлый взгляд свинцово-серых глаз.

– Потому что вы, выродки, пригревающие мутантов и

ведьм, вы, поправшие законы людей, вы прокляли нас и ждете нашей смерти!

Эти слова Вороне показались бредом сумасшедшего. Однако, она почувствовала себя так, будто ей дали пощёчину. Но дал её ребёнок, которому очень плохо... Такого даже ненавидеть не получается. Хотя, очень хочется.

Вероятно, то же самое почувствовал и Егор Матвеевич.

– И каким образом? Что такого случилось за это время?

– Вы укрыли ведьму, наславшую на нас проклятие! У нас люди умирают!

Адам поднял голову.

Парень подошел к человеку.

Пленник перевел на него свой тяжелый взгляд. На его лице отразилась брезгливая ненависть.

– Это все ты, выродок! Тебя надо спалить живьём!

Адам положил руку на голову пленнику.

Тот забился в путах, едва не выбив из рук отшатнувшейся тети Ани бинты.

– Убери лапы! – заорал он.

Но Адам лишь прикрыл глаза. Пленник, вдруг, расслабился и обмяк. Адама затрясло и хлынула из носа кровь.

– Он готов к разговору, папа... Я всё видел. Там...там у них смерть. Люди умирают семьями. От заразы.

Солдаты Поселения переглянулись. Зароптали.

Ворона подошла к Адаму и бережно взяла его под руку. Адам доверчиво прильнул к ней.

Егор Матвеевич подошёл к пленнику и опустился перед ним на корточки так, чтобы смотреть ему в глаза. Бывший “латник”, казался совсем обессиленным. Лицо ничего не выражало. Он лишь спокойно смотрел на Егора Матвеевича, безучастный ко всему.

– Вы приходили за девушкой, – повторил Егор Матвеевич.

– Да, – подтвердил “латник”.

– Почему вы решили, что эта эпидемия разразилась из-за неё? – спросил Егор Матвеевич.

– Она была ведьмой, – повторил “латник”. – Она преколдовала Пастырю. Ходила в лес за травами, и ими лечила людей, применяя старую магию, которая привела к гибели человечества. А Силу Пастыря она ни во что не ставила. Хотя Пастырь, по милости своей, собрал нас всех, дал нам кров и еду. Он и его Вестники защищали нас. Он вывел нас из Проклятой Пустоши и привёл в Благодатные Земли, где почти нет заразы и хищных чудовищ. А ведьма отказывалась признать его богом, пришедшим спасти нас! Она осмелилась говорить, что силы Пастыря недостаточно, чтобы исцелять. Что нужно вспомнить древние знания. Она собирала проклятые тексты, оставшиеся от безбожной прежней цивилизации!

– И это всё? – в голосе Егора Матвеевича прозвучало что-то такое, от чего и Ворона почувствовала лёгкий укол страха. Не хотелось бы ей сейчас быть на месте этого “латника”.

“Латник” без страха смотрел в глаза Егору Матвеевичу.

Лицо сурового вояки, вдруг, дёрнулось. Будто в сознании своём он натолкнулся на что-то очень тяжёлое и болезненное. В глазах блеснуло страдание и отчаяние. Будто внутри него насмерть схлестнулись противоположные чувства и эмоции. Но лишь на мгновение.

– Я обязан Пастырю жизнью. Он подобрал меня, совсем мальчишку, в выжженных пустошах, вылечил. Он вырастил меня, и я стал его Вестником. Я обязан ему всем. И я поклялся нести Слово его и Весть о нём во все пределы земли. Поклялся защищать его Заветы. Поклялся защищать людей под сенью этих Заветов. А такие как вы, такие, как ведьма, вы сами идёте во тьму, и тянете других за собой! Ведьма ненавидит Пастыря и его народ. Она прокляла нас. И теперь, в нашем поселении – смерть. – воин тяжело сглотнул. – Два дня назад я жену схоронил. Она сына моего носила. И теперь, кроме моих братьев и Пастыря, у меня больше никого нет. А Вестники тоже умирают. Пастырь рёк, что это наказание нам за то, что мы якшались с вами. С чудовищами, с нечестивцами. Что терпели ведьм и колдунов. И только огнём и кровью мы искупим свой грех.

Ворона похолодела. Будто бы столкнулась с чем-то древним, глубинным, могучим. Чем-то, что пробуждало в душе леденящий, почти животный ужас. Будто бы лицом к лицу столкнулась с первобытным злом. И это зло сейчас смотрело из глубин суровых серых глаз пленника.

Нет, в ней не было ненависти. Не было желания убить вра-

га, как бешеного пса. Слишком жалок он был сейчас. Но, вместе с этим, от слов, от взгляда пленника, она ощущала животный ужас, проникающий в самые отдалённые уголки души, охватывая зыбкой и холодной мглой.

А ещё, где-то на самом краю сознания, с удивлением она обнаружила жалость и сострадание.

Осудить легко. А как бы она себя чувствовала, если бы оказалась на месте этого “латника”?

– Можешь мне не верить, – спокойно ответил Егор Матвеевич, глядя пленнику прямо в глаза, – ни я, ни кто-либо ещё в нашем поселении не желал смерти никому из вас. Та девочка, которую вы называли “ведьмой”. Я поговорил с ней. Она весьма талантливая целительница. У неё и в мыслях не было проклинать вас, хотя вы и намеревались сжечь её на костре заживо.

– Она сказала, что мы все умрём!

– Потому что ваши следопыты принесли издалека заражённое оружие и продовольствие, и никто из вас ничего не предпринял, чтобы “очистить” его. Она предупредить вас хотела.

На лице воина отразилось непонимание, сомнение и замешательство:

– Но пастырь же... он знал... Он же всё сделал!

– Я не знаю, как так получилось, – осторожно ответил Егор Матвеевич, – но вы все заразились от своих “обновок”. Было банальное нарушение техники безопасности. Полени-

лись, пожадничали.

– Но как же... – пленник, вдруг сник, опустив голову. Его плечи беззвучно затряслись.

– Так! – Егор Матвеевич встал, – этого в лазарет. Осмотреть, отмыть, дать новую одежду, накормить и дать лекарств. Всем остальным – на внеплановый осмотр. Да, знаю, выработался иммунитет, и у нас Адамка, но всё-таки. Зверей наших тоже проверить! Убитых – сжечь. Вместе с одеждой. Броню, оружие – на дезинфекцию. Адамка, поможешь?

Парень, весь бледный, с готовностью кивнул.

– Только, – Егор Матвеевич посмотрел на сына. – Надо и к ним. Им нужно помочь...

– Шутишь? – спросил кто-то из автоматчиков поселения. – Тебя ж живо на вилы поднимут! Или спалят заживо! Знаешь же, как к тебе относятся. И меньше всего тебе там рады будут!

– Я знаю, Пётр Васильевич, – сказал парень. – Но это тоже люди.

– Хех, «люди»! – зло усмехнулся Пётр Васильевич. – Были б это люди! Ведь пришли же сюда, ночью, нас убивать! Твари! Сколько домов пожгли! Да этих выродков самих надо в расход!

Адам печально посмотрел на него.

– Может быть, именно поэтому и случилась Великая Скорбь? – тихо спросил он. – Потому что мы всех хотели в расход пустить?

– Мал ты, парень, а я многое за свою жизнь повидал! – уже не так зло ответил Пётр Васильевич. – Зверь только звериный язык понимает. Дай им волю, они нас в порошок сотрут!

Тут, Ворона поймала себя на мысли, что солидарна с Петром Васильевичем. К сожалению, похоже, что человек нирена не поменялся. Вместо того, чтобы протянуть друг другу руку помощи, пытаться поддерживать друг друга, мы продолжаем друг друга топить.

– Так мы раньше считали, что и мутантов можно только убивать, – спокойно ответил Адам. – А, вот, ездим на них теперь. В хозяйстве они нам помогают. А люди что, хуже?

– Мутанты – звери. У них – инстинкты. Человек – зверь совершенно другого склада.

– Так, может, и покажем сами. Как это, жить по-человечески? Пап...ты прости меня, но я пойду. И никто меня не удержит.

– Значит, врагам нашим помогать будешь?

Егор Матвеевич пристально посмотрел на сына.

– Ещё неизвестно, останутся ли они нам врагами, – тихо сказал Адам. – Но сначала я, конечно, помогу здесь.

И Ворона почувствовала, к стыду своему, что Адам может оказаться прав. Что-то на уровне инстинкта подсказывало ей, что, наверное, так будет правильно.

– Я с ним, – сказала она.

Пётр Васильевич скривился, покачал головой, да и махнул на всё, мол, поступайте, как знаете.

Егор Матвеевич стиснул зубы.

– Что ж, Адамка, тебе виднее. Обычно, ты прав оказываешься. Может, и на этот раз сделаешь что-то такое, что никому и никогда не удавалось.

– Мы с вами, – сказала девушка в защитном костюме со снайперской винтовкой в руках. – Прикроем.

Ворона кивнула.

Адам повернулся к Вороне. Благодарно улыбнулся.

Осторожно притворив за собой дверь, Ворона подошла к постели. Девушка, такая молоденькая, почти девочка, дремала. Ярко рыжие волосы рассыпаны по белой подушке осенней листвой. На бледном личике с высокими скулами и узеньким подбородочком, тень тяжёлого болезненного сновидения. Маленькая грудь часто и отрывисто вздымается от хриплого дыхания. Тонкие ручки, белые плечики с выпирающими ключицами, и сама она как тростиночка. Ворона ощутила прилив тёплой нежности и сострадания. И как она могла на неё злиться?

Девушка вздохнула, раскрыла глаза. Глаза были большие, лучистые и удивительно-зелёные. Не удивительно, что её ведьмой посчитали. Глаза и правда, колдовские.

– Я тебе поесть принесла, – ласково сказала Ворона.

Она помогла девушке приподняться, и поднесла к губам кружку с бульоном.

– Они были здесь, – тихо сказала она.

– Кто?

– Люди Пастыря...

– Да так, – как можно беззаботнее ответила Ворона. – Заглянули на чаёк. Попытались побарагозить, но мы им объяснили правила поведения в гостях.

На лицо девушки легла тень страха. А потом её губки за-

дрожали.

– Простите...простите меня... – голос девушки дрогнул. Сияющие глазищи наполнились влагой. – Я не хотела...но мне было так страшно...

– Ну, ну, успокойся, золотце, – как можно ласковее сказала Ворона. – Ты тут вообще не при чём. И хорошо, что ты от них сбежала! И отлично, что наши тебя подобрали.

Ворона снова помогла девушке отпить бульона.

– Тебя как звать-то? – улыбнулась Ворона.

– Искра.

– Я – Аня. Очень приятно.

Ворона отставила пустую кружку на сундук у кровати, к оплывшей свечке.

– Скажи, Искра, – Ворона оправила ей одеяло, – Как так получилось, что с тобой так поступить захотели?

Искра опустилась на подушки, отвернулась. Тяжело ей было об этом говорить, и Ворона очень хорошо ее понимала.

– Пару недель назад, наши следопыты обнаружили схрон. С едой и лекарствами, – глухо проговорила девушка. – Как ты понимаешь, ближайšie места уже облазаны и обследованы, и на расстоянии сорока километров к югу, востоку, или западу, нам делать нечего.

– А если чуть севернее взять? Впрочем, понимаю, люди тут живут уже довольно давно.

– Правильно, – согласилась Искра. – А кроме того, тут ваши земли начинаются.

Ворона приподняла бровь.

– И что?

– А то, что наши, – Искра осеклась, – Люди Пастыря боятся сюда заходить. Считают, что все здешние земли колдовством пропитаны.

Ворона не выдержала, фыркнула.

– Пастырь так и говорит, что здесь всё пропитано мерзким колдовством, и правоверным тут нечего искать, – ответила Искра.

Ворона лишь покачала головой.

– Именно поэтому тебя убить хотели?

– Я пыталась предупредить, – ответила девушка. – Наши следопыты привезли с собой заразу.

– Ты откуда об этом узнала?

– Проверила с помощью приборов, оставленных моей учительницей, – ответила Искра, – Знахаркой, что жила на хуторе близ поселения Пастыря до меня. Она приютила меня и растила как родную.

– А потом пришли люди Пастыря.

Искра кивнула.

– Так оно и было, – сказала она. – Они пришли из выжженных пустынь. Там, где ничто живое, по определению, не может выжить. Там даже мутантов нет.

Она замолчала, отвернулась. И тихо сказала:

– Пастырь провёл их. – Затем, она снова посмотрела на Ворону и сказала: – Поверь, его не просто так любят. Не про-

сто потому, что он оказался сильнее, или хитрее, чем другие главари банд. Он сумел дать людям не только еду и защиту от монстров, отравы и радиации.

– А взамен потребовал полного повиновения – усмехнулась Ворона.

– Ему даже и просить не надо было, – грустно улыбнулась Искра, – Когда эти переселенцы появились близ нашего хутора, среди них было много больных и умирающих. Мы с Наставницей лечили их. Помогали Пастырю. И видели, как его боготворят. Было за что.

Затем, она внимательно посмотрела на Ворону. Было в её взгляде что-то, что заставило Ворону испытать смутное, неприятное, щемящее чувство, напоминающее страх, когда спиной чувствуешь, что за тобой из теней наблюдает затаившийся хищник.

– Я видела его несколько раз, – добавила она дрожащим голосом. – Это не обычный человек. Когда он говорит, он как будто бы зачаровывает. Кажется, что он всё знает, всё понимает, всё может. Те, кто были с ним там, в Пустыне, говорили, что он подчинял своей воле даже чудищ, песчаных червей. И одним своим присутствием прогонял хищников от своего племени.

Ворона напряглась. Всё-таки хорошо, что она зашла поговорить с гостьей. Она узнала кое-что, что Адаму и Егору Матвеевичу будет полезно знать. А, кроме того... неужели Пастырь такой же, как её Адам? Такой же Новый Человек?

Иначе, как бы он сумел провести свой народ по выжженным пустошам?

– Я не знаю, – Искра смущённо улыбнулась, – может быть, это я чересчур мнительная. Может быть, это моё большое воображение так разыгралось, но, я чувствовала рядом с ним, будто бы он... смотрит мне в душу. Всё видит, всё понимает. И имеет власть над ней.

– Как тот светловолосый молодой человек, который тебя лечил? – осторожно поинтересовалась Ворона.

– Нет, нет, – покачала головой Искра. – Совсем не так. Ваш... Ваш, он, другой...

Она мечтательно посмотрела куда-то в сторону.

– От него исходит тепло, – сказала она. – Он будто бы обнимает. Утешает. А Пастырь... он укрывает, но и как будто бы давит. Сжимает тебе горло. Словно хищный выюн. Постепенно сдавливает, высасывает все жизненные соки.

Ворона едва сдержала дрожь в руках. В голову лезли очень нехорошие мысли. А в душе зашевелились чёрные, ледяные щупальца страха.

– Но у тебя получилось ему сопротивляться, – за ободряющей улыбкой Ворона попыталась скрыть свою тревогу.

– Я и жила дальше и нечасто с ним встречалась, – ответила Искра. – И, более того, не хотела встречаться с ним. Он меня откровенно пугал.

Она помолчала, и добавила:

– Говорят, раньше, он ещё сильнее был. Говорят, раньше,

он мог и лечить. Раньше, ещё во времена скитаний по пустошам, Пастырь мог поднимать убитых чудовищ и бросать их на защиту своего племени. Но, со временем, он становился слабее. А чем слабее он становился, тем большего повиновения он требовал, и тем жёстче управлял своим народом.

– Похоже на сказки, – нервно усмехнулась Ворона.

– Похоже, – кивнула Искра. – Но ты будешь думать так до тех пор, пока не встретишься с ним.

Вороне, вдруг, стало очень холодно, а в ногах разлилась предательская слабость. Ерунда! Сказки! Так пыталась она отмахнуться от слов беглянки. Слов, которые чёрными семенами запали ей в душу, и теперь, вкрадчиво, но верно, прорастали колючими волчцами и терниями тревоги и дурных предчувствий. Что-то очень древнее, первобытное, пещерное, взывало к ней из глубины её души, из самых тёмных, самых древних уголков, куда свет разума едва мог дотянуться. И этот голос леденящим кровью шёпотом убеждал её, что всё, о чём говорила беглянка – правда! А если это так, значит, и Адам, и Поселение, и она сама в большой опасности. Если у них по соседству живёт такой же Адам, только с завистливым взглядом и жестоким сердцем, с хитрым, изворотливым разумом и чёрной душой...кто помешает ему раздавить поселение одним усилием своей могучей воли?

– Ты сказала, что он раньше мог лечить, – продолжала расспросы Ворона. – А что же сейчас? Куда делись его силы?

– Я не знаю, – покачала головой Искра. – Могу сказать

только одно, что теперь он может только приказывать. За помощью мы часто обращались к вам. Моя наставница часто отсылала больных именно сюда, потому что она знала о вашем...целителе. И знала, что вы восстанавливаете утраченные знания, которые помогают людям. За это Пастырь невзлюбил нас. Когда умерла наставница, я продолжила её дело. Она научила меня пользоваться её приборами, научила готовить снадобья. Рассказала, куда ходить, что брать. Что помогает от заразы, а что при слабом облучении. Мы были всего лишь подмастерьями. Но, настоящий мастер – это ваш целитель, потому что он лечит не только тела, но и души. С ним...очень тепло и спокойно.

– Понимаю тебя, – лишь улыбнулась Ворона. – Что ж, похоже, что тебе очень повезло. И ты очень храбрая.

Девушка отвернулась:

– Я не хотела, чтобы люди погибли. Следопыты ушли слишком далеко. И принесли что-то с границ выжженных земель. А там ещё очень много заразы.

– Пастырь запретил просить у нас помощь? – в лоб спросила Ворона.

– Он сказал, что нас ждут тяжёлые времена, если мы откажемся от света его откровения, – в голосе девушки звучал страх. – Он говорил, что в Пустыне было ещё тяжелее. Но его народ не сомневался в нём. И он всех вывел. Так почему же сомневаются сейчас?

– Закономерный вопрос, – хмыкнула Ворона. – Что ж, от-

дыхай. Тебе понадобятся ещё силы.

– Спасибо! – искренне сказала девушка, когда Ворона уже уходила.

– Мне не за что, – улыбнулась та. – А ты поспи.

Выдвинулись они, как только завершили дела в поселении.

Пётр Васильевич и ещё несколько человек пытались отговорить их, но Адам и слушать ничего не хотел. Лишь только говорил, что нужно торопиться.

Дорога до поселения пастыря заняла около половины дня. Густая поросль кривых деревьев сменялась холмистыми равнинами, над которыми плыли тяжёлые иссиня-серые облака, сквозь которые густо лились солнечные лучи.

Лютоволки бежали бодрой рысцой. Ворона крепко сжимала бока зверя ногами, приподнимаясь и опускаясь в такт бегу.

Дующий в лицо ветер помогал справиться с тревогой и мыслями из серии “чё я творю, дура!”.

Ворона, еще до отъезда, рассказала всё, что узнала от беглянки Адаму и Егору Матвеевичу. Адам слушал серьёзно и хмуро. Никогда Ворона ещё не видела его таким. Ей казалось, что он передумает. Что решит выбрать другой путь. Но, к удивлению её, Адам оказался ещё более непреклонным. Он сказал, что, если всё именно так, то он не просто должен, а обязан ехать. Егор Матвеевич всеми силами отговаривал. Даже повысил на него голос, вложив в слова всю отцовскую власть и строгость. Потом начал просить, бессильно и трога-

тельно. Но, Адам лишь сказал:

– Прости, пап, но я должен. Я очень долго ждал...и ради этого я здесь. Ради него...

Егору Матвеевичу ничего не оставалось кроме как махнуть на всё рукой, и уступить.

Адам был сосредоточен и внимательно вглядывался вдаль, будто что-то высматривал.

Небо затянуло тяжёлыми тучами, и поднялся промозглый ветер, когда они въехали в густой лес, поросший кряжистыми деревьями с длинными ветвями, с которых свисали кочья мха. На мощных искривлённых стволах некоторых росли фосфоресцирующие грибы. Точно такие же ютились и среди мощных корней, точно вены, пронизывающих влажную землю.

– Здесь лучше оставить лютоволков, – сказал Адам.

Ворона кивнула и спешила, последовав примеру Адама. Она почесала за ухом своего лютоволка, точнее волчицы, и последовала за Адамом. Рядом вразвалочку шёл Ракета. Мгновение, и зверь взбежал на одно из деревьев, и исчез в переплетении ветвей и нитей толстого плюща. Ворона проводила его взглядом. Похоже, тут зверёк себя чувствовал в разы увереннее, чем она. Девушка знала, что зверь будет за ней приглядывать, и далеко не отойдёт.

Ворона поправила ремень, на котором висел автомат, и зашагала за Адамом. Парень, похоже, хорошо знал местность.

– Люда не отстала? – спросила она, просто чтобы не мол-

чать. Ей было жутко неудобно.

– Люда знает, что делать, – коротко ответил Адам. И, будто бы почувствовав настроение Вороны, взглянул ей в глаза, улыбнулся и ласково убрал прядку волос ей за ухо. – Ничего не бойся, я с тобой.

Дальше они шли молча.

Спустя некоторое время деревья расступились, явив взору открытое, покрытое ржавой травой пространство. Далеко впереди, тянулась грунтовая дорога, которая упиралась в глубокий ров, опоясывающий огороженное колючей проволокой поселение. Над лепящимися друг к другу кряжистыми строениями темнели вышки с кружками прожекторов на верхушках. Вороне даже вглядываться не нужно было, чтобы понять, что там находятся хорошо оборудованные и укрепленные огневые позиции с крупнокалиберными пулемётами. Здесь, на открытом месте, за рвом и валом, под тяжёлым, свинцовым небом, под которым даже зелень травы и исключенная пена дальнего леса казались насыщенно-тёмными, поселение выглядело особенно зловеще. Будто свернувшийся в клубок и настороженно дремлющий голодный зверь. Не добавляли радости и струйки чёрного дыма, поднимающиеся к тучам.

Выл холодный ветер. Откуда-то издалека, из поднебесья, доносилось хриплое, скрипучее карканье.

Краем уха Ворона уловила шелест. Ракета осторожно спустился с дерева, и скользнул в высокую траву.

– Не передумала? – вопрос Адама вывел её из ступора. Она посмотрела на него.

– Куда ты, туда и я.

Адам счастливо улыбнулся. И зашагал к поселению.

Встретили их грозными окриками:

– Стоять! Кто такие?! Тьфу ты! Мутант!

– Мы не причиним вреда! – Адам поднял руки.

Его примеру последовала Ворона.

Луч фонаря бил в лицо, резал глаза.

К ним приблизился боец в таком же “рыцарском” доспехе, как и те, кто приходил в их поселение. На прицеле их держали два автоматчика, вооружённые куда легче.

– Сдать оружие! – приказал “латник”.

Ворона повиновалась.

– Кто такие, и что надо?

– Мы пришли помочь, – голос Адама изменился. Ворона это уже слышала. Низкий, и как будто поднимающийся из глубин твоего же сознания.

“Латник” мгновение колебался. Затем, будто бы смягчившись, сказал.

– Хорошо. К Пастырю их.

Фонарь погасили.

Автоматчики держали их на прицеле.

Ворона отметила, что лица под шлемами злые, но худые и измождённые. Смертельная бледность контрастировала с синими кругами под лихорадочно блестящими глазами.

“Латник” пошёл впереди. Следом за ним уверенно шагал Адам. А замыкала процессию Ворона, спиной ощущая направленные на них дула автоматов.

Поселение пастыря разительно отличалось от нового дома Вороны. Здесь царила тяжёлая, гнетущая атмосфера обречённости и отчаяния. Слышались стоны, полные боли и страдания. Где-то плакал ребёнок, тяжело, надрывно. Мимо них проходили люди, закутанные в лохмотья. Худые, ссутуленные женщины, попадающиеся им, угрюмые мужчины в потёртых куртках, или защитных костюмах, с автоматами, или винтовками, смотрели недоверчиво и зло. Особенно косились на Адама. Но ни сказать, ни что-нибудь сделать ему не решались.

Где-то далеко пылал костёр. Ветер доносил запах гари и... горелой плоти.

Ворона догадалась, что жгут трупы.

Страх и смерть, незримо бродящая между людей, тут ощущалась почти физически. И всё внутри Вороны холодело, когда она смотрела на тёмные хибары. Слышала приглушённые голоса, стоны, плач.

Сама не зная почему, Ворона подошла к Адаму чуть ближе, чуть ли не прижалась к нему.

Всего несколько недель назад она мечтала о том, чтобы найти хоть какого-нибудь человека. А сейчас многое бы отдала, чтобы оказаться подальше отсюда. Адам, будто бы чувствовал её мысли, и нежно взял её за руку.

“Ничего не бойся, я с тобой!”

Они вышли на просторную площадь перед стоящим на ней боком фургоном, оформленным как-то странно: разрисованный, с причудливыми надстройками и развевающимися на ветру знамёнами. Из фургона доносилось приглушённое пение хора.

На площади располагалось кострище с почерневшим столбом. Ворона старалась не думать о том, что это мог быть за костёр.

– Ждите здесь! – бросил им “латник”, а сам пошёл в фургон.

Автоматчики встали по обе стороны от них.

Мгновение, и пение стихло.

А вокруг автоматчиков, Адама и Вороны, постепенно начали собираться люди. Ворона физически ощущала полыхающие взгляды, устремлённые на них.

“Что этому отродью здесь надо?”

“Почему просто не пристрелить их?”

“Нечестивцы! В костёр обоих!”

“Да тихо вам! Пастырь их судьбу решит! Ему виднее!”

“Говорят, он исцелять умеет!”

“Тварь бесовская!”

“А если не бесовская? А если наши молитвы были услышаны? Если Пастырь призвал их на помощь нам?”

“На помощь?! Эти отродья, да на помощь?!”

Адам лишь оглянулся и обвёл толпу взглядом. Взглядом,

полным неподдельного сострадания. И шёпот стал постепенно затихать. Люди молчали. Люди ждали.

Пастырь появился на пороге, так, будто ниоткуда. Будто позволил себя увидеть, обретя материальную форму.

Увидев его, Ворона слегка робела. Это был высокий человек, затянутый в защитный костюм неопределённого цвета. На плечах и руках его темнели нашивки в виде странных символов. На поясе висела кобура с пистолетом. Его лицо и голова были затянуты в плотную маску. Глаза закрывали большие затемнённые очки. Его облик внушал и страх, и, одновременно, надёжность. В нём ощущалась сила, которая может отвести от тебя любую беду. В нём ощущалась уверенность, такая, будто этот человек и вправду видит и прошлое, и настоящее, и будущее. Почти физически Ворона ощущала ауру воли, исходящую от этого человека. Было надёжно и спокойно под его тяжёлой защитой. И, в то же время, в груди шевелился животный ужас от осознания того, что может случиться, если ты вызовешь неудовольствие, или гнев этого человека. Впрочем, человека ли? Он и вправду казался воплощением бога, древнего, бескомпромиссного и ревнивого. Словно титан он возвышался даже над закованными в броню “латниками”, стоявшими по бокам от него.

– Юноша-чудовище и юная дева, – прозвучал его, на удивление красивый и ожидаемо сильный голос. – Полагаю, вы принесли весть о том, что моё войско разбито, а вы – посланники войны.

– Ошибаешься, Пастырь, – возразил Адам. И он будто бы преобразился. Ворона чувствовала себя маленькой и слабой. Но, рядом с Адамом она ощущала себя увереннее. От него тоже исходила аура силы. Встретились два титана. От детской непосредственности Адама не осталось и следа. Он и вправду казался теперь Сыном Земли, точно древний бог солнца, который каждый год умирал и возрождался вновь. И от него так и веяло этой живительной, солнечной силой. И будто бы даже светлее стало вокруг. – Мы не вестники войны. Мы – вестники мира. Мы спасли твоих людей, тех, кого могли. Несмотря на то, что они принесли нам смерть и страдания. И желали нашей гибели, по твоему приказу.

– Вы нанесли удар по нам, – спокойно ответил Пастырь. – Вы возжелали нашей гибели, ибо мы – дети Света, – отринули пути Тьмы, коим следуете вы.

Адам лишь ласково улыбнулся:

– Мы оба знаем, что это лишь легенда, сочинённая, дабы вселить в твоих людей хоть малую толику надежды.

– Кто ты такой, чтобы оспаривать моё слово!

Эти слова буквально вжали Ворону в землю. Захотелось упасть на колени и молить о прощении.

Но Адам и бровью не повёл. Он ответил, и тяжесть будто рукой сняло:

– Я – Сын Земли. Я явился ради людей. Я явился исцелить тела и сердца. Я явился вернуть надежду!

– Сладки твои слова, но в них яд. Ты явился, чтобы со-

вратить невинных и обречь их на вечные страдания.

– А разве они не страдают? – и, вдруг, тон Адама смягчился: – Я не хочу твоей власти. Я не хочу твоей славы. Мне не нужно почитание твоего народа. Я знаю, что у тебя на сердце. Я знаю его желание. Я знаю, ты хочешь счастья своим людям. Я хорошо знаю твою боль. Знаю холод одиночества. И знаю ужас отчаяния, что гложет тебя. Позволь мне помочь и тебе, и им.

Напряжение ощущалось почти физически.

– Ты всерьёз считаешь, что мне, мне, выведшему этих людей из тьмы, накормившему и согревшему их, можешь понадобиться, – он выдержал короткую высокомерную паузу, – ты?

– Твоих людей косит Чёрная Смерть. Её принесли твои следопыты с припасами и провизией. Они торопились и не хотели прийти с пустыми руками. Они зашли слишком далеко и взяли то, что брать не следовало, лишь бы порадовать и людей, и тебя. Они страшились твоего гнева. И ими двигало желание накормить детей. Их намерения были благими. И ты знаешь это, Пастырь. Я смогу исцелить их. Мы поделимся своей едой и лекарствами, как было всегда.

Повисло тяжёлое молчание.

– С какой стати мне верить тебе?

Адам улыбнулся. Улыбнулся так, как может улыбаться кто-то бесконечно мудрый и могущественный, видящий все причинно-следственные связи мира. Все его грани и самые

тёмные, самые дикие его глубины.

– С такой, что мы с тобой одной крови. Мы с тобой дети Единого Отца и Единой Матери. Лишь пути наши разошлись.

Ворона почувствовала, как земля ушла испод ног. Да, после слов Искры она кое о чём догадывалась, но не думала, что догадка её окажется настолько точной и правильной. Не верила. Не хотела верить.

– Ты видишь, что я говорю правду! Видишь, но, боишься. Боишься признаться в этом своим людям. Но, больше всего, боишься признаться самому себе.

Пастырь замолчал. На мгновение, Вороне показалось, что он как-то сник под тяжестью десятков недоуменных и изумлённых взглядов, направленных на него. В воздухе чувствовалось напряжение. Было достаточно малейшей искорки, чтобы всё это рвануло и разнесло всё на сотни вёрст вокруг.

Вдруг, плечи Пастыря затряслись. Он медленно распрямылся. Он смеялся. Хохотал!

– Глупыш, ты говоришь, что я боюсь тебя? Ты считаешь себя правым и храбрым! А не из храбрости ли ты притащил сюда своих снайперов. Кстати, где они? Держат уже нас на прицеле?

Адам нисколечко не смутился.

– Если бы ты был и вполонину сильнее и прозорливее, чем сейчас, ты бы знал, что наши воительницы уже въезжают в родное поселение.

Тут даже Ворона опешила:

– Что?!

Но Адам даже не посмотрел на неё.

– Я отправил их назад ещё на границе наших земель. И я не врал. И не лгу теперь.

Тишина висела вязкая и плотная. Нарушали её лишь крики младенцев, завывание холодного ветра да похлопывание знамён-оберегов на ветру.

– Ты знаешь, что происходит, Пастырь. Ты слабеешь! Слабеешь, потому что забыл о главном! Наша сила дана нам не для того, чтобы управлять другими и подчинять их. Это лишь инструмент! Мы здесь для того, чтобы исцелять! Чтобы помогать! Чтобы возвращать надежду туда, где она, казалось, давным-давно угасла! Ты забыл об этом, Пастырь! Страх и ужас в тебе говорят, а не любовь. А страх способен лишь разрушать!

Ворона молчала от переполняющих её эмоций. Эх, взбеситься бы! Но злиться на Адама она просто не могла. Речь тронула и её.

Но Пастырь оставался невозмутим.

– Любовь. Созидание. Тебе не кажется, что эти слова в людях давно уже превратились в пустой звук? – наконец, спросил он.

– Нет, не кажется, – уверенно помотал головой Адам, скрестив на груди руки. – Людям нужен ещё один шанс. Нужно поверить в свои силы. Восстановить то, что было уничто-

жено Великой Скорбью.

Пастырь горько, очень горько усмехнулся.

– А знаешь, как ещё называют Великую Скорбь посвящённые и те, кто ещё хоть что-то помнит и знает? Судный День! И это название дано не просто так! У человека был шанс. И не один. И как они им воспользовались? Насиловали, грабили, коверкали и пожирали плоть Земли их же породившей. И ради чего? Ради того, чтобы вцепиться друг другу в глотки, чтобы снова грабить и вырывать у Матери-Земли ещё больше! Оскверняя, растапывая и опошля священные узы, лишь благодаря которым Земля не уничтожила их! Не смогла она уничтожить своих неразумных детей, хотя они сто раз это заслужили! Хотя она страдала и даже гневалась на них. Она не раз предупреждала их! Природными катастрофами, землетрясениями, ураганами. И не только. Но они не слышали. Не слушали. Не хотели слышать! Пока окончательно не сошли с ума! И теперь. Почему ты считаешь, что они должны измениться? Что всё будет по-другому? Люди уже показали, что выжить и жить они могут только тогда, когда есть сильная рука, которая их направляет. Что свою свободную волю они используют лишь во зло! Нужен ли им дар, которым они не умеют пользоваться?

– Всё верно, – спокойно ответил Адам. – Но верно и то, что человек так и не поймёт, что делать со своей свободной волей, если он даже не будет знать, что это такое? Ты говоришь, что нужно их только направлять, как стадо. Да, ино-

гда, может, и нужно. Но ты снова говоришь о страхе. Ты хочешь заставить их жить той жизнью, которой живёшь сам. Ты не показываешь пример, ты лишь заставляешь бояться. Да, иногда и это нужно. Но, похоже, ты снова забываешь о том, что страх способен лишь сеять ненависть и разрушать. Тебе не кажется, что это получается замкнутый круг? Тебе не кажется, что задавленные страхом люди так и не научатся использовать свою свободную волю во благо, а будут использовать её лишь на разрушение и против тебя? Внушая им свой страх, ты плодишь монстров ещё более страшных.

– Мне кажется, говорить нам не о чем, – вздохнул Пастырь.

Он дал знак “латникам”. Те вскинули пулемёты.

Ворона похолодела.

Конец?!

– Пастырь, смилуйся! – раздался из толпы надрывный крик женщины.

– Юля, назад!

В ноги Пастырю бросилась женщина.

– Смилуйся! Мой сыночек умирает! Ничего не помогает! Всё перепробовала! Вдруг эти чужаки помогут?! Позволь им помочь! Что плохого в том?! Разве отнимешь ты у меня сына?! Мою единственную радость?!

Пастырь молчал.

– Поднимись, жена. Рядом с тобой много осиротевших детей и родителей! – Пастырь пытался говорить грозно, но и

его голос дрогнул от жалости к несчастной матери. – Неужели ты пожертвуешь бессмертной душой своего сына?

К женщине подбежал худой мужчина с автоматом за спиной. Он попытался её поднять. Но несчастная продолжала умолять, обнимая ноги Пастыря.

“Латники” застыли в замешательстве. Как и автоматчики, что держали их на прицеле. В глазах одного из них Ворона увидела смесь мучительных чувств: злость, отчаяние, сомнение и надежду. Парень стискивал зубы, борясь с собой.

– Нет, – он вдруг опустил автомат. – Не могу.

– Дрон ты чего?!

Вместо ответа, автоматчик посмотрел в глаза Вороне и с отчаянной надеждой спросил:

– Вы же поможете? У меня сестрёнка болеет. А она – всё, что у меня осталось...

Второй автоматчик тоже опустил оружие.

Толпа шумела. В мешанине криков, Ворона слышала отчётливо призывы о помощи, воззвания к милосердию и мольбы к Пастырю. И в них тонули фанатичные выкрики.

Ворона уловила резкое движение.

– Иногда отец должен быть строг к своим детям! – возвысил голос Пастырь. – Ради них же самих!

Всё произошло очень быстро.

Пастырь вскинул руку, будто схватил что-то.

Воздух загустел. Чудовищно отяжелел. Ворона не поняла, как оказалась на коленях. Что-то гнуло, придавливало её.

Она рухнула на четвереньки. Ещё немного, и её раздавит.

Внезапно, давление ослабло.

Она лишь сумела поднять голову.

Над ней, вскинув руки, стоял Адам. Его была мелкая дрожь. Взгляд его резал как нож, горел пламенем.

Он вдохнул, выдохнул. Закрыв глаза. Из носа потекла кровь. На лбу вздулись жилы. Его уже сильно трясло.

Тяжесть спадала. Ворона сумела подняться лишь на колени. С изумлением она видела, как Пастырь, будто сопротивляясь, сжимает кулаки. Его тоже трясёт. Вот, он упал на колени. Схватился за голову.

Резкое движение, и он сбросил маску.

Ворона вздохнула от изумления и страха. Под маской скрывалось бледное, покрытое рывтинами ожогов лицо. Оставшиеся волосы, с правой стороны, до обожжённой левой, были коротко подстриженными. И были золотисто-белыми. Как у Адама. Тонкое, почти как у мальчика-подростка, или, даже девушки, лицо, точно такое же, как у Адама. Но, глаза были совершенно другими. Они были тёмными, чёрными, словно бездна, с лилово-алыми зрачками. Полыхающими пламенем Преисподней.

Это была битва титанов. Битва, вокруг которой замерло пространство и время, натянутые в гитарную струну от напряжения душ, разумов и воли.

Рухнул на колени Адам, упершись рукой в землю. Но не прерывал зрительного контакта с Пастырем. Адама трясло

так, что, казалось, сейчас он вывихнет себе все кости. Или Вороне показалось, или трава вокруг него начала тлеть!

Он слабел. Но и Пастырь начинал «сдавать». Ворона чувствовала, как напряжение всё больше спадает. А Пастырь клонился долу всё больше. Вот и у него хлынула носом кровь.

– Прекрати! – прошептали губы Адама. – Я не желаю тебе зла! Я не для этого тут. Я тут, потому что хочу помочь... так позволь... мне...

Пастырь не отвечал. Продолжал... да, уже лишь сопротивляться.

Краем глаза Ворона заметила движение слева. Один из «латников» шагнул вперёд:

– Сдохни, колдун!

Блеснул пистолет в его руке.

– НЕТ! – взвизгнула Ворона и, собрав, последние силы в кулак, рванулась в бок и обняла Адама.

Грохнул выстрел.

– АНЯ! – закричал Адам.

Ворона почувствовала обжигающую боль.

Улыбнулась, утопая в фиалковой глубине глаз любимого. А мир, постепенно начинала заволакивать тьма.

Люди что-то кричали. Слышались выстрелы.

Адам продолжал её звать. Прижал к себе.

Слабеющей рукой Ворона обвила его шею.

Я люблю тебя, Адамка... и это самое важное...

А дальше была тьма.

12

Отблеск света во тьме.

Голоса.

Мрак постепенно сереет. Обретая очертания серого потолка со свисающими с него пучками трав.

Тело будто налито свинцом.

Рядом – ворчание. Рука угодила в густой мех. Тяжесть на груди. Перед лицом появляется округлая мохнатая мордочка в масочке с торчащими над ней ушками. Влажный нос тыкается в кончик её носа. Ракета облизывает ей лицо.

Ворона обнимает своего друга.

Плечо перебинтовано, отдаёт болью.

– Рана неопасная, – услышала она голос Адама. – Я смог только остановить кровь. Дальше мне помогли.

Девушка повернула голову.

Адам сидел на стуле рядом с её кроватью. Бледный, почти совсем прозрачный, с чёрными тенями под глазами, усталыми до предела. Казалось, будто его выпили без остатка. Но на его тонких губах играла счастливая улыбка.

– Ракета привёл наших, – сказал Адам. – Пастырь меня вымотал. Я бы не смог лечить.

Он помолчал и добавил:

– Я уж думал, что потерял тебя...

– Ничего, – пробормотала Ворона с улыбкой, – меня так

просто не возмёмшь!

Адам взял её за руку.

– Ты меня напугала.

Ворона нежно сжала его пальцы.

– Что произошло?

Адам пожал плечами.

– Люди обступили нас. Даже бойцы Пастыря не дали нас убить. У каждого кто-то болен, и люди решили дать нам шанс.

– Я и не заметила, как ты успел всех переубедить, – попробовала сострить Ворона.

– Да я и сам не заметил, – хохотнул в ответ Адам. – Но, видимо, люди решили ко мне прислушаться. И, похоже, что мы справились.

– А что с Пастырем? – осторожно спросила Ворона.

– Ничего, – спокойно ответил Адам. – Беседует с папой.

– Как пленник? – спросила Ворона.

– Ой, нет! – поморщился Адам. – Пастырь сам приказал выпустить отряд отца. И разрешил нам лечить больных. Тем более, что с папой пришли и местные...вернулись домой.

– Что это с ним? – искренне удивилась Ворона.

Адам стал ещё серьёзнее.

– Понимаешь, когда мы с ним сцепились...мы волей-неволей открылись друг другу.

Он осёкся.

– Давно я не видел столько боли, ужаса, отчаяния и скор-

би.

Ворона осторожно спросила:

– Он...ведь как ты?

Адам бросил на неё внимательный взгляд.

– Да, – коротко ответил он. – И даже из тех, кто старше.

Возможно, он один и остался. Как-то выжил и в огненных штормах, и во тьме ночи, что наступила после Судного Дня. И я бы не хотел видеть и переживать то, что видел он. Он видел, как горели города и леса. Видел, как вскипали воды в реках и озёрах, и как оттуда выбрасывались обезумевшие от боли, сварившиеся заживо несчастные твари. Видел людей, которые и на людей-то уже не были похожи. Видел сгоревших заживо мертвецов, которые брели куда-то, не разбирая дороги, пока не падали. И, ведь, это всё было делом рук человеческих. Он искренне ненавидел людей за всё это. И, в то же время, искренне жалел и любил их. Пастырь стал жестоким, конечно. Но он из тех, кто себя не пожалеет, если нужно спасти людей. Для него превыше всего идея, в которую он верил. Он верил, что только так может спасти людей. Долгое время он один скитался по выжженным пустошам, на грани жизни и смерти. Он был бесконечно одинок. И подбирал таких же одиноких, полубезумных от ужаса, как и он. Он искренен в своём желании дать людям новую надежду. И не мне его судить.

– Добрый ты! Жизни не знаешь! Ничего, что он наше поселение хотел уничтожить? Или ты забыл?

– Не забыл! И никто из нас не забыл! И он не забыл! И замаливать, искуплять это ему ещё долго придётся! Но, тебе не кажется, что мы уже не в том, положении, чтобы позволить себе месть? Не думаешь ли ты, что после Великой Скорби каждый человек на счету? И что мир теперь должен строиться на новых принципах?

– Да ну тебя, моралист несчастный! – улыбнулась Ворона. Оба ненадолго замолчали.

– Аня?

– Я.

– Я очень испугался, что останусь без тебя, – снова сказал Адам, смущённо потупившись. – Пообещай мне, что теперь мы всегда будем вместе?

Ворона уняла бешено застучавшее сердце.

Похоже, что сейчас её жизнь закрепляется на совершенно новой для неё колее. Да и почему бы и нет, в конце-концов?

– Обещаю, – чётко проговорила она, – Обещаю, что всегда и везде, что бы ни случилось, я буду с тобой.

Адам протянул ей руку. И она сжала его изящную, но сильную ладонь в своей руке.

Конец.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/images/id-1325398/> по лицензии СС0.